

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

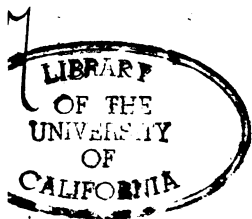
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

\$B 602 607

П О В Ъ С Т И

М. МАКАРОВА.

КАРТИНКА.

Она предсшавляетъ: часть Тверской *Стрѣлецкой* Слободы въ 1657 году, церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, чшо на Вражкѣ (безъ колокольни) Лѣсный бугоръ, гдѣ нынѣ домъ Демидова и, разливъ по упору воды съ горъ и, ошъ шони по Овражку, съ болошисшыхъ береговъ рѣчки Неглинной, къ дому Ниловскаго Подворья.

Картинка рисована по преданію.

ПОВѢСТИ

ИЗЪ

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ

ПРЕДАНІЙ.

ИЗДАННЫЕ

М. Н. МАКАРОВЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛІВАНОВСКАГО

1834.

LIBRARY OF THE
RUSSIAN ARCHIVES

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я
съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи предспавлены
были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Августа 28 дня 1851 года.

Цензоръ Левъ Цѣтмаевъ.

PG3115

M35

1834

MAIN

~~836~~
~~M 353~~
ФОВ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Милостивому Государю

Г Р А Ф У

ФЕДОРУ АНДРЕЕВИЧУ

ТОЛСТОМУ,

Господину Тайному Сове́тнику,
Сенатору, Дѣйствительному Кам-
мергеру и Кавалеру, разныхъ Уче-
ныхъ Обществъ Дѣйствительному
и Почетному Члену.

М635419

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

MAR 10 1995

М И Л О С Т И В Ы Й   Г О С У Д А Р Ъ !

Мои Повѣсти взяты изъ Русскихъ народныхъ преданій и собраны въ свободныя минуты отъ занятій по службѣ. Възгнопризнительный къ особенному Вашему вниманію, я осмѣлился ихъ посвятить имени Вашего Сіятельства!

*Но, въ сихъ Повѣстяхъ, не ищите
совершенствъ писателя отлжнаго.
Это одни только вѣрные списки съ
разказовъ самыхъ простыхъ, болѣе,
или менѣе вѣроятныхъ. Они добыты
мною во время многочисленныхъ мо-
ихъ побѣдокъ по Россіи и представ-*

*лены здѣсь, почти въ своей одеждѣ,
безъ всякихъ украшеній.*

*Примите ихъ, Ваше Сіятельство!
какъ знакъ моей неизблснимой къ
Вамъ признательности и совершен-
наго уваженія, а съ тѣмъ же вмѣстѣ
дозвольте мнѣ и навсегда, при глубо-*

зайшемъ къ Вамъ, погтеніи и пре-
данности, имѣть гость пребыть и
остаться.

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬНОСТВА

Милостиваго Государа

покорнѣйшимъ слугою

1831 года
Москва.

Михаилъ Макаровъ.

I.

**ПРОНСКІЙ
РОСТИСЛАВЕЦЪ.**

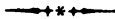
Повѣсть изъ Рапсодіи Бѣдняка.

ПРОНСКІЙ РОСТИСЛАВЕЦЪ.

*Вбегутъ отъ Гемиса къ Дунаю племена
За ними слѣдомъ свищутъ стрѣлы...*

Славяне, пѣснимые изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами, переходили въ сѣверную часть Европы, бѣльшая половина въ нынѣшнія Россію и Польшу, въ дикія и малолюдныя земли; но за то богатыя пажиями, весьма удобныя и счастливыя для жизни Папріархальной. Здѣсь только — какъ, можетъ быть, думали Южные изгнанники — не могъ уже достигать ихъ слуха спрашний свисъ стрѣлы Моголовой, врага сильнаго, безпощадно громившаго ихъ первыя родовыя жилища*. Они еще

---

* Многие ученые изыскали о происхожденіи и переселеніи народовъ полагаютъ Славянъ и даже Русь, какъ отъ Славянскую, переселенцами изъ нынѣшней Индіи, вышесенными ошуда къ Сѣверу племенами Моголовъ.

помнили о своихъ переселеніяхъ въ Европу со счастливыхъ береговъ Ганга, изъ-подъ лучей вѣчно весенняго солнца. . . .

Здѣсь, повпорю я, въ глуши непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ; но всегда на крутыхъ берегахъ рѣкъ, или источниковъ, на мѣстахъ чистыхъ и высокихъ гонимые паспухи - воины успанавливали свои Городища и располагаясь въ нихъ и подлѣ нихъ, вели жизнь Папріархальную. . . Къ числу лаковыхъ жилищъ принадлежалъ и Пронскій Роспиславецъ*, еще сущешвуюющій въ своихъ оспапкахъ и, до нынѣ Михайловскаго уѣзда, на правомъ берегу Прони въ дачахъ села Мишина.

Въ 1799 году, на возвращномъ пути изъ Малороссіи въ Рязань, заспигнушый глубокою осеннею ночью, я нашель себѣ приюшъ въ одномъ изъ окрешныхъ селеній Роспиславскихъ, и шамъ, посреди многочислен-

---

** По другому преданію. *Вышеславецъ*.

наго семейства крестьянъ, въ домѣ сполѣшняго старца, слышалъ пѣсни спранника, нищаго — слѣпца*. Въ речисапивахъ Бѣдняка воспоминалась древность, забытая всѣми, кромѣ бѣдности; и при *лѣтахъ вѣтнихъ* она находила еще въ сихъ воспоминаніяхъ для себя помощь; она пилалась ими; она существовала сими простыми разсказами о дняхъ минувшихъ.

Пѣсня слѣпаго старца началась, и продолжалась почти такъ:

«Люди православные, слушайте! Спрашно шумѣла рѣка наша Проня; сильно выли и свиспали вѣпры отъ Сѣвера; долу преклонялись окрестныя темныя дубравы; но вдругъ

---

* Ни въ одной Руской спранѣ нѣтъ столько слѣпцевъ-*раскодистовъ*, сколько я видѣлъ ихъ въ споронѣ Рязанской, они распѣвають: о *Лазарѣ убогомъ* и *Алексѣѣ, словѣкѣ Божиѣмъ*, о *Кудяръ разбойникѣ* и о *войнахъ Мамал*, о *лѣсахъ Словенскихъ*, и о *Святыхъ целѣбныхъ студенцахъ Рускихъ* и проч. и проч. Сіи слѣпцы похожи на древнихъ *Хаджи*: повѣшвудя свои древности на распѣвъ, они бьюшь шакшу, подчасъ кочергою, или сковородами.

еще быстрѣе закупили вихрь опъ полудня, и при глазахъ опцевъ нашихъ онъ съ прескомъ свалилъ вѣковый дубъ, споявшій на ближней лужайкѣ. . . Ахъ, православные люди! по-то было грозное время!»

«И все это сущая правда: шакъ рассказывали намъ дѣды, а имъ, нашимъ дѣдамъ, ту же правду передавали ихъ дѣды и прадѣды.»

«Вопъ тамъ на пуспыряхъ безлюднаго Роспиславца они видали горькую *Шамову**, Княжну опъ прежнихъ Князей нашихъ. Знайше, люди православные, что прежде спороной нашей правили не Цари и Государи необозримаго царства Рускаго, а свои Князья родные; но ихъ нѣшь уже ни одного въ цѣломъ свѣтѣ, а намъ славно жить и подъ державою Рускихъ Царей, Государей! Бѣдно всегда бывало плашье на Шамовѣ; ноги босы, голова никогда ни чѣмъ не покрыва и — длинные чер-

---

* Имя *Шамовы* еще и по нынѣ сохраняешъ одно изъ окрешныхъ селеній—*Шамово*.

ные волосы ея вѣспрѣ разносилъ, какъ хопѣлъ, по плечамъ у ней. Тогда еще не знали ни алой лѣнцы, ни кармазинной песьмы узорочной; даже простой снурочикъ для прадѣдовъ нашихъ былъ неизвѣстенъ, а павелика и вѣнки цвѣпочные не могли пропивившся вѣспрамъ на головѣ дѣвичьей! Темная шуманная ночь покрывала лице Шамова; на ея впалыхъ и мушныхъ очахъ выпала смерть; но Шамова не плакала, а слезы сами собою, время опъ времени, крупными градинами капились по ея помершвѣлымъ щекамъ.

«Наши прадѣды шакже видѣли, какъ однажды Шамова сѣла на самый высокій холмъ Роспиславца; въ по время она смотрѣла на полдень и— пѣла. Вяпно слушали прадѣды ея пѣсню и замѣчали, какъ не рѣдко эша пѣсня прерывалась пляжкими вздохами безпріюпной. Тогда же, вдругъ за лѣсами, послышала она опзывъ *турьяго рога*; эшо аукалась бродящая Мещора*. Шамова прислушивалась къ оп-

---

* Мещора осшавила на всегда признаки своего

кликавъ, умолкла и попомъ заплъла, и вошь слова ея пѣсни:»

«Они всѣ умерли; никого изъ нихъ смерть не щадила! Смерть безжалостна ко всякому; она ни къ чьей молитвѣ непреклонна; Боги милосердые! какъ зла эша смерть!»

«Они всѣ умерли; никого изъ нихъ смерть не щадила! Смерть безжалостна для всякаго и ни къ чей молитвѣ непреклонна; она обречешъ на гибель и не измѣнишь своего закона ни для чего въ свѣтѣ. Какъ зла эша смерть!»

«Они всѣ умерли! и Хаверпъ*, мой родитель, уже давно палъ подъ косою смерти! Ахъ! когда бы ты жилъ еще, мой родитель! тогда, кто знаетъ! ты перенесъ ли бы равнодушно всѣ бѣды, насъ постигшія. Городецъ Ростислава уже не радуется

была въ Рязанской губерніи: весь лѣсной уголь; просширающійся ошь Рязани ко Владимиру (за исключеніемъ шакъ называемыхъ лѣсовъ Славянскихъ въ Спасскомъ уѣздѣ), именуешся Мещорою.

* Въ имени села Хавертова (Михайловскаго

своею красою ; его жипели : дикіе звѣри, хищныя пшицы, и—змѣи, гошопыя пеперь обвивашь мои ноги !»

Тутъ Шамова смолгла.

«Прадѣды увидѣли, какъ юный сынъ Князя *Петоры** , приспигнушый бурею на поляхъ Роспиславца, слышавъ груспный вопль Шамовы, опдавъ своего коня дружинѣ, подошелъ къ злополучной и низко ей поклонился.» Бѣдная Шамова !» сказала она : «ты все еще по прежнему спонешь ? Ты все еще служишь нищешь пвоей вѣрно ! ты бродишь безъ пріюша ? Но наша Печора уже давно нашла для себя приспань ; цвѣписпая степь предложила намъ раздолье ! Посмотри на доброшу нашихъ коней, на пучность нашихъ спадъ и—шогда, Шамова ! ты скажешь, что мы счаспливы. Живи съ нами : раздѣли наше счаспье ! Моя бы мапъ могла

уѣзда), можешь бышь, еще сохранилось имя Вишазя *Хавѣрта* ?

* Памяшникъ о сей Печорѣ : Село *Петорники* (бывшій городъ) въ Михайловскомъ же уѣздѣ.

тебѣ быть сестрою; но я не зналъ
 моей мащери; за то тебѣ дочерью бу-
 деть моя подруга. . .»

«Шамова вздохнула; но не произ-
 несла ни слова.»

«Двадцать два раза — продолжалъ
 юноша — я видѣлъ весну и много,
 много услаждалъ себя ея богат-
 ствомъ! Первый крикъ царя ищицъ
 Орла, равно какъ и первая пѣснь лѣ-
 снаго Баяна—соловьѣ, всегда веселили
 мое сердце; но и при торжествен-
 ныхъ крикахъ орлиныхъ, и при слад-
 кихъ свиспахъ любимца весны — въ
 то время, когда все исполнялось во-
 споргомъ — одни только швомъ спо-
 ны, Шамова! были непрерывны: я
 ихъ слышалъ, дочь пайны! Лучи
 живошворящаго вешняго солнца ни-
 когда, никогда не радовали швоего
 сердца и — жаворонокъ, достигаю-
 щій къ небу, не слыхавши шво-
 ихъ благодарныхъ моливъ, не до-
 носилъ ихъ къ подножію боговъ
 непостижимыхъ*! Шамова! открой

---

* Нѣкоторыя простолюдины еще и понывѣ

миѣ свое сердце и повѣдай причину грусти!»

«О мой випязь!» воскликнула Шамова: «О мой випязь!» повшорила она; «шы пребуешь шого и—повѣдаю тебѣ всю злую скорбь моей души! но помысли, випязь, о томъ, чего шы пребуешь? Ты безразсуденъ!...»

«Кшо! я?» спросилъ съ удивленіемъ юный Князь Печоры.

«Ты!» повшорила съ швердосшію дочь шайны: «а потому и *грусть моя* неразлучна съ судьбою швоей жизни!»

«Юноша взялъ руку Шамовы и — молчалъ.»

«Твое удивленіе возраспаептъ!» продолжала нищя: «шы вождь Печоры; но судьба Россіянки, дочери забышаго племени, съ швоею судьбою нераздѣльна!... Ахъ, мой Князь! шы очень близокъ къ моему сердцу. Въ

увѣрены, чшо жаворонокъ, взвиваясь къ небу, въ пѣсняхъ своихъ передаетъ Богу добрыя дѣла людскія.

долинахъ Ганга, когда Моголь еще не зналъ своихъ опцевъ* и когда Проно**, нашъ Господь, еще не былъ послыженъ оппадшими***, ты и твои опцы знали уже Хаверша?»

«Слава Хавершу!» воскликнулъ юноша и приподнялъ свой шлемъ****. «Хавершъ! щипъ и спаситель нашихъ спранъ!» продолжалъ онъ: «кто его не зналъ?... Хавершъ

* У насъ есть еще сказочное преданіе, что какой-то Царевичъ Мигуль, или Мугуль, ухвативъ *сороколудовую* палицу, выгналъ всѣхъ Царей и предковъ Руси изъ шридесятаго царства, подсолнечнаго Королевства и проч.

** *Слоесно - Руско - Индское* божество. — (Если шолько *Индійская* Нимфа *Проньяхтала* означаешь извѣснаго уже намъ *Проно*.)

*** *Индійцы* полагають, что покореніе спранъ ихъ великимъ Моголомъ измѣнило между ними вѣру многихъ жипелей.

**** Обычай при произнесеніи *слава* оставался съ непокрышою головою, еще и нынѣ существуетъ между вѣкошорыми *святосными* обрядами. У иныхъ Велико-Россійскихъ креспьянъ, при воспѣшіи: *Слава Богу на небѣ, слава нашему Царю на сей землѣ!* сидящіе встають, а имѣющіе на головахъ шляпы и шапки ски дають ихъ и кладають къ верху.

первый спасалъ насъ и другихъ беззащитныхъ въ спранахъ Солнца. Хавертъ изъ *первыхъ* опклонилъ покорность нашихъ опцевъ врагамъ ихъ. Онъ первый поржеспвовалъ славу нашихъ клятвъ: ненавидѣшь врага боговъ Могола*, и наши Князья, здѣсь на Сѣверѣ, нашли миръ подъ мощною силою рукъ Хаверта. О Шамова! кто его забудеть?»

«Оспавляя опчизну, ты слыхалъ, какъ непрочень и крапокъ былъ союзъ нашъ съ Лыбедами**, народомъ намъ соплеменнымъ и также, какъ мы, изгнаннымъ — продолжала Шамова. — Роспиславъ, нашъ Князь, не нажилъ согласія съ начальникомъ Лыбедовъ: онъ опвергнулъ нашъ союзъ; шогда мы предоспавили ему бе-

---

* Моголь, покоривъ разныя Индѣйскія Царства, какъ говоритъ Исторія, спарался всѣхъ покоренныхъ привести къ одной вѣрѣ: опъ сего начались его гоненія на многихъ обипашелей счастливой Индїи и разселенія ихъ въ другія части свѣша.

** Народъ опспрасли Славянской; объ немъ упоминаешъ Руская Исторія.

рега Танаиса, а сами — шолько здѣсь, въ сей спранѣ, сопровождаемые образомъ Прона*, учредили приюстъ нашей дружинѣ. Болѣзнь и дряхлосць лѣшь Роспилава обязали его уступити мечъ Хавершу и—Хавершѣ, супругѣ Лыбеды, сестры Роспислава, съ шой поры правилъ Славянскимъ народомъ. Князь! ты знакомъ съ быпомъ сосѣдей: швоя Печора завсегда была близкимъ намъ другомъ! Ахъ! какъ мы были шогда счастливы! Миролюбивые Роспиславцы приносили жершвы богу Прону: они ежедневно благодарили его за судъ и правду Хавершовой, и каждый изъ нихъ былъ гошовъ умирашъ за Хаверша, а Хавершѣ успокоивалъ Роспислава — и Роспиславъ молился Богамъ, благодарилъ ихъ, и дорожилъ любовію Славянъ, ему подвластныхъ; а дѣши опцевъ нашихъ и сами наши опцы позабывали уже счастливыя спраны Солнца! Тогда *тридевятъ зе-*

---

* Славяне, переходя изъ одной спраны въ другую, вмѣстѣ съ собою переносили ишуканы боговъ своихъ.

мель и тридесятое царство*, откуда мы пришли сюда, уже были для насъ сказкой: мы ихъ забыли и—наши дѣпи не имѣли поей вѣры, какая бывала въ насъ къ чудесамъ и—красѣ Ганга; самое имя нашего божества: *Ягоей*, обращено дѣшьями нашими въ шушву.»

«Я тогда была уже на *тринадцатой* веснѣ и понимала, когда говаривали мнѣ, что съ каждымъ ошблескомъ вешняго солнца я цвѣла его лучами. Такъ; я говорю испину: меня, дѣву Солнца, дѣву бога непосшижимаго, не презрѣли и въ спранахъ зимы. Князь и Вишязи Кривичей, Вяпичей, Ме-

---

* Извѣстная сказочная примолвка, кошорую одинъ изъ любиселей ошечешвенной древноспи ошносишь къ воспоминавямъ о спранахъ *теплыхъ*, первобышномъ жилищѣ Славяно-Руссовъ. *Новое мнѣніе*: „Изгнанныхъ изъ ошечешва, къ Сѣверу ужасами болѣзней.“ Пословица: *хвали жену покойницу, хвали утро ветеромъ днѣмъ несѣтеной* и проч. Есть копія Азіяшской пословицы: *хвали жену по сожженіи* и проч. Опяшь ошзывъ Индійскій!

щоры, Бродницы* и другихъ народовъ искали моего сердца. Для меня, они преклоняли колѣна предъ Хавершомъ и для меня предлагали дань и подарки Роспиславу!»

«Мои опцы восхищались мною, а жрецы, на своихъ шоржищахъ, уже не называя меня дѣвою Солица, почтили именемъ дѣвы Знича (огня); народъ далъ мнѣ имя *красы ненаглядной*. Юноша! я тогда была божествомъ опцевъ и народа: передо мною и мнѣ самой воскуряли жершвы! Точно шакже чпили красу и на берегахъ Ганга!»

«Проно и другіе боги: Лель и Полель, осыпали насъ щедрошами блага. Ахъ! тогда и миръ, и любовь цвѣли въ нашемъ спанѣ: на удѣлъ намъ доспавались побѣды. Жестпоки были зимы въ новомъ нашемъ пріюшѣ; но суровость ихъ не нарушала шишины нашей жизни; зимы не-

---

* Деревня *Брыницы* (въ Михайловскомъ уѣздѣ), на рѣчкѣ *Истьѣ*, въ писцевыхъ книгахъ названа *Брыдницами*.

видимо пролепали; Зничь укрощаль ихъ свирѣпость, и даже жерпвы *Кулало*, подѣ покровомъ сего бога ни въ какихъ перемѣнахъ не казались для насъ замѣшными*. Священный огонь, принесенный изъ спраны опцевъ, былъ тогда силенъ свяшостию; онъ взялъ нами опъ лучей солнца**; но въ лѣшо, когда великое свѣшило міра равно благошворишь каждой швари; когда и человекъ, и звѣрь, и змій ползущій, и пшица подоблачная — словомъ, когда всякое швореніе безъ всякаго различія живошворишся шепломъ и свѣшомъ солнца: тогда и су-

---

* Прыганье черезъ огонь, пѣсни и пляски во кругъ огня въ ночь, на канунъ 7-го Генваря и на 24 Іюня, при ожиданіи солнечнаго возхожденія еще и по нынѣ продолжающся между нѣкошорыми вресшьянами Рязанской губерніи *окологороднаго стана*.

** Сбереженіе огня *отъ святыхи* шакже еще шущешвуешь въ повѣрьи нѣкошорыхъ шрошполудиновъ. Набожные люди шпарались донести огонь въ особенныхъ фонаряхъ изъ Кіева и даже изъ Іерусалима, ошкуда принашивали его, по увѣренію шредавія, наши *Калики* (Хаджи).

лящая Мещора и Волинь*, ненавистники жизни осѣдлой, окружали Городецъ Роспиславовъ, похищали и женъ, и дѣшей, и скопъ, и коней нашихъ; а съ похищенною добычею шоржеспвовали въ лѣсахъ, или въ степяхъ своихъ. Храбро и опчаянно Хавершъ сражался со врагами. Безчисленные шолпы плѣнныхъ бывали приводимы въ спѣны Роспиславца; съ дикимъ и ужаснымъ крикомъ всегда ихъ встрѣчали наши братья, и я видала, какъ приносили ихъ въ кровавую жершву богамъ благодѣющимъ. Свяшоспъ законовъ Ганга не могла щадить несчастливцевъ: они

---

* Рязань имѣеть (и до сихъ поръ) двѣ Волини, или Волины: Сѣверную и Южную (последнюю къ споронѣ Пронска и Михайлова, а первую на возвышенности ошъ Оки къ споронѣ Москвы). Ходаковскій полагаеть, что всякій сбродъ Словено-Рускихъ и другихъ народовъ, оставшійся на Руси безъ пріюша и безъ начальства, именовался ошъ нашихъ предковъ *Волиню* или *Волиницею*, ш. е. свободными. Олегъ Рязанскій предпочшительно давалъ присшавище шакимъ людямъ. Въ послѣдшвіе они назвали себя *казаками*.

какъ даръ, богами намъ ниспосланный, должны были возвращаться къ богамъ же: и я видѣла, какъ обезсиленные сгорали на кострахъ священныхъ; какъ первосвященники, во славу бога, изливали молишвы къ небу и безъ содроганія убивали невинныхъ. . . .
 Спрашно! Но шаковы права законовъ; шаковъ былъ успавъ вѣры! Когда же солнце окомъ милосердія возрѣвъ на узника, спасало ему жизнь: тогда сей свободный несчастливецъ облязвался присоедишъ себя къ числу воиновъ Роспиславовыхъ. Сердца людей не навсегда рождены бышь жестокими!»

«Въ шестнадцашую весну моей жизни Бродницы и Мещора, подкрѣпленные полнами дикой Воыни, мспишельно впорглись на пажиии Хавершовы; враги громили и грабили все намъ принадлежавшее; но Хавершъ еще успѣлъ собрать свою дружину: онъ пошелъ и упучнилъ Пронскія шпеи кровью враговъ и — опразилъ ихъ до спранъ Запанаискихъ. Дрях-

лый шарецъ Роспиславъ былъ увѣнчанъ побѣдами; сопни плѣнныхъ, а съ ними и самъ вождь Волыни пали къ его ногамъ!»

«Я видѣла вождя Волыни.— Вождь-випязь опушилъ очи въ землю: его и руки и ноги были въ оковахъ. Первосвященникъ говорилъ ему о неминуемой смерти, увѣщевалъ его, какъ злодѣя — ошшунника опъ нашихъ правъ и вѣры; но въ поже время обѣщаль ему и спасеніе въ небѣ. «Покайся! покайся!» повпорилъ онъ неоднократно предъ несчастливцемъ, обреченнымъ смерти. Випязь хранилъ глубокое молчаніе и взиралъ равнодушно на священный ножъ, лежавшій предъ его глазами. Тогда была ужасная буря, но свистъ вѣтровъ и сія грозная буря на Пронѣ, казалось мнѣ, для юноши были упѣшительными... Ахъ! онъ умиралъ въ жершву богамъ и—за свой народъ!»

«Спасемъ юношу!» думала я — и рѣшилась пасть къ ногамъ Князя и

своего опца. Милоспъ боговъ была моимъ покровомъ.»

«Съ прешпомъ и безмолвно предспала я къ древнему Князю ; съ нимъ погда былъ мой отецъ Хавершъ, Великій жрецъ, всѣ Вожди и всѣ другіе Князья. Кожа шигра, наслѣдіе опъ береговъ Ганга, небрежно прикинушая на мои плеча, явно доказали мою дерзоспъ* ; но я смирилась, зарыдала и пала у ногъ нашихъ Опцевъ.»

«Эпо Шамова !» воскликнулъ Ростиславъ и весь его совѣтъ.

«Эпо дочь моя! » повшорилъ за нимъ Хавершъ : « она умерла у ногъ нашихъ ! . . .

«Я жива!» произнесла я, опамятпо-

---

* Южные Славяне, по свидѣтельству одного писателя, желая доказать въ чемъ-нибудь свою справедливоспъ, являлись къ суду спарфйшинъ въ кожѣ тигра, льва, или медведя—знаки благородной смѣлоспи и шоржеспвующей испины. Нынѣ у простолкдиновъ, для означенія *преимущества*, одинъ шолько новобрачный сидишь нѣсколько минушь въ шубѣ на выворошъ.

вавшись : «но спасите жизнь мою спасеніемъ жизни другаго!»

«Говори, Шамова!» сказали Князь и весь совѣщъ его.

«Я полюбила!» отвѣчала я съ швердоспію : «юный вождь Волынскій, обреченный опъ васъ на смерть, еспъ и будепъ моимъ вѣчнымъ! . . .»

«Какъ, Шамова! и ты сама пришла спасать вождя злодѣевъ, врага моей души?» воскликнулъ мой Опець : «смерть, смерть Шамовъ!»

«Смерть, смерть, смерть Шамовъ!» повшорили проекратно первосвященники и весь совѣщъ Княженецкій. Но—Роспиславъ облегчилъ судьбу несчастливицы : съ миромъ улыбнулса къ моей любви и—возгласилъ *жизнь юному вождю Волини!*

«Князь Волынскій и вся его дружина скоро обратовали себя съ воинами Роспислава, и Хаверпъ, мой опець, самъ соединилъ насъ неразрывными узами любви. — Юноша, вождь Волынскій, какъ спасенный

мною, нареченъ моимъ вѣчнымъ и — мы были счастливы!»

«На цвѣпахъ весны сама Ладо даровала намъ сына и эпокъ сынъ — швой опецъ, Князь! . . .»

«Мой опецъ!» воскликнулъ Князь Печоры: «и ты, Шамова, мать моего опца!»

«Такъ!» прижимая къ сердцу юнаго Князя, продолжала Шамова: «шабъ!» повторила она: «я мать швого опца. Для швого опца Хаверштъ покорилъ Печору, и швого опца Печора нарекла своимъ вождемъ, и швой опецъ оправдалъ себя на поляхъ Танаиса. Онъ умѣлъ владѣшь народомъ.»

«Но вѣдро, еще прежде его побѣдъ, шамъ за шуманною далью исчезло: Лыбедцы, соединенные съ силами народовъ Могольскихъ, какъ бурный попокъ хлынули на жилища племень безсильныхъ и — Роспиславъ съ вождями, съ випязями и съ народомъ палъ жершвою враговъ!»

«И я не спасла себя опъ постыднаго плѣна! Буря упихла, небо про-

яснилось, солнце возсіяло вновь... Я возвратилась на мѣста прежней радости; но швой опецъ уже былъ призванъ къ богамъ: онъ палъ вмѣстѣ съ дружиною!...»

«На развалинахъ Роспислава не было ничего живаго*, и съ той поры жизнь оставила его на вѣки!»

«Новый правитель Печоры, въ память дружбы къ Хаверпу, предложилъ мнѣ новое счастье... Но, ахъ! я не могла быть другомъ иному: я все оставила и—скрыла себя въ мѣстахъ безвѣстныхъ: среди опшельниковъ міра рѣшилась погребсти свою жизнь. Ищу смерти и—еще живу!...»

«Прошekli годы, и ты, единственная надежда моей души, ты еще опсался въ свѣтѣ не для того ли, чтобы только встрѣчать меня между нами

---

* Нынѣ ближайшія поля къ Роспиславцу, да и внутренность самой крѣпости засѣяны хлѣбомъ. Земледѣлецъ, глядя на древнія опшашки городища, шужитъ, что они не испреблены совершенно: они мѣшаютъ пашнѣ.

развалинами минувшихъ дней красныхъ!»

«Безмолвно Князь Печоры взялъ руку Шамовы и вспомошествомый дружиною, вель ее къ своему спану; она не пропибилась; но колебалась на ослабшихъ ногахъ и — рыдала.»

«Шуми, шуми быспрая Проня! вой и свищи въпръ ярый! Клонись долу, пемныя, зеленя дубравы*! Шамовы нѣпть уже на бѣломъ свѣтѣ!»

---

* Ихъ нѣтъ уже; но нигдѣ нѣтъ и сколько признаковъ, что онѣ были, какъ въ Рязанской губерніи. Кочкарники на лугахъ и пни почти вездѣ еще напоминають о большомъ Чернолѣсѣ Пронскомъ, Михайловскомъ, Скопинскомъ и проч. Названіе нѣкошорыхъ селеній, какъ-шо: Лѣски, Дуброва, Осинники, Осинички, Малиницы и проч. указываютъ намъ даже на самую породу бывшихъ лѣсовъ. Въ Пронскомъ уѣздѣ крещяне села *Старой Дубровы* рассказываютъ еще, что помѣщики деревни *Студенца* (въ разспояніи одной вершны отъ *Старой Дубровы*) долго не знали о существованіи въ ихъ селѣ церкви: лѣса и шопи не допускали ихъ имѣть сношеній другъ съ другомъ. И Спуденецкая помѣщица, Княгиня *Львова* (около 1710 года), ѣзжала на Бого-

Такъ восклицнулъ слѣпый старецъ
и — умоля.

моле (въ шележкѣ на одной лошадекѣ) за 20
вершъ въ городъ Пронскъ. За шо вынѣ вездѣ
долъ, гладъ и пашни!

II.

ДОЧЬ ГОСТОМЫСЛА,

Разсказъ изъ Новгородскихъ
народныхъ преданій.

ДОЧЬ ГОСТОМЫСЛА.

---

*„...Удержитъ ли кто времени полетъ?
Толпа вѣковъ во слѣдъ вѣкамъ пройдетъ;
Низкожество лишь здѣсь не измѣнится.“*

К. Масальскій.

Непроницаемая, темная завѣса древносши сокрыла оупъ насъ досто-вѣрность Исторіи дочери Госпомы-словой. Въ однѣхъ только народныхъ сказкахъ Нормандскихъ, изуспно переданныхъ въ позднѣйшее попомсво вмѣспѣ съ именами Рорика, Тлепвора и Троура, Синвема и Синава, вы иногда вспрѣщите имя Ильмены, Альмены, Имлены, Юмьилы, Алкмены и проч. Все имена дикія и спранныя; но достойныя и пошому вниманія, что онѣ сохранены Исторіею и, какъ сказапъ, еще живутъ въ оной; а припомъ будущъ и бывающъ уже при-чиною важныхъ и полезныхъ заня-

пій для всѣхъ Историковъ-Литператоровъ. Не рѣдко одно замѣчательное имя какого нибудь человѣка, или названіе какого нибудь мѣста обращало ихъ къ изслѣдованіямъ сравнительнымъ, къ общей Исторіи свѣта и открывало имъ пайну важную въ лѣтосчисленіи, или въ землеописаніи, или во времени раздѣленія народовъ родныхъ, во всемъ сходныхъ между собою. Одинъ памятникъ *одного* страннаго слова часно воскрешалъ языки совершенно погибшіе. . .

«Въ Рускихъ народныхъ сказкахъ, говорилъ мнѣ неразлучный мой спутникъ, Чернецъ. . . нѣкоторыя прибрежные жилища Озера Ильменя доказываютъ, что еще и до сей поры можно услышать рапсодическій высказъ о достохвальныхъ и дивныхъ дѣяніяхъ сколько прелестной, столько же и несчастливой Царевны Ильмены, или Умилы, дочери премудраго Князя Госпомила, или Госпомысла.»

«Это любопытно, очень любопытно, Святой Опець!» сказалъ я, помо-

гая ему причалишь лодку къ берегу, на копорой мы капались по Ильменю.

«Я нѣчто помню, опвѣчалъ монахъ, спараясь припоминашь забытое.» Вотъ на примѣръ эта рапсодія начинается такъ: «Умила! Умила дѣвица, Царевна красавица, породила пы Царей и Князей; опъ тебя, жена древняго Князя Рускаго, опъ тебя породили всѣ наши Цари.—Дивилися на бѣломъ свѣшу, улѣпой добротѣ Умильной: Бояра, Вишязи, Князи и Цари; всѣ они любовались ея красою дѣвичьею!...»

«Госпомилъ, родилъ Умилу, не польщался онъ богатствомъ богатаго, не боялся онъ силы сильнаго!... Старый Князь не уневоливалъ красной дѣвицы, дочери своей красавицы: она сама искала себѣ друга по сердцу. Въ Дѣдовы времена никакой неволи не бывало!»

Здѣсь чернецъ задумался и — наконецъ сказаль мнѣ, что рапсодія слишкомъ продолжительна, а памяшь ему измѣнила. «Впрочемъ я помню»

присовокупилъ онъ что судьба вручила Книжку нашу одному изъ Князей Упсальскихъ; Умила приняла тогда имя Ильмены, родъ Славянскій, слился съ колѣномъ племень Норманскихъ. Самъ Баянъ воспѣвалъ красоту и добродѣтели Ильменины. Такъ, или почти такъ, заключается народный рассказъ объ Умилѣ...»

«Я вамъ благодаренъ!» сказала я монаху. «Во Фрарціи нѣкто Рейпръ, подражая Оссіану, предметомъ для своихъ пѣсней избралъ нашу древнюю Русь; онъ заставилъ бесѣдовать Новгородскаго Рюрика съ Моиною; но потомъ превратилъ Моину въ Ильмену, и его сказка наконецъ потеряла весь толкъ! Въ 1812-мъ году, пленный Наполеоновскій офицеръ Розъ, мнѣ подарилъ Рейпрову книжку...—» Иностранцы, вымолвилъ мой поварищъ, иногда умѣютъ пользоваться нашимъ лучше, нежели мы сами, и если бъ только они имѣли перпѣніе учиться понимать нашъ языкъ, тогда бы они не спали больше называшь

нашихъ Ильменъ Моинами, и наша Испорія просіяла бы во многомъ!— Я хошѣлъ было предложитъ вопросы: «Какъ? что? . . .» Но мы уже были въ спѣнахъ Новгородскихъ и — мой чернецъ меня оставилъ.

Въ самомъ дѣлѣ Рейпръ пропѣлъ лончину Ильменину и завѣрилъ, что Ильмена, полоненная какимъ-то ино-племеннымъ Княземъ, чудесно избѣжавъ предшоявшаго ей плѣнническаго поруганія, скончала опчаянную жизнь въ волнахъ свѣсплаго озера, мѣрышаго подъ спѣнами Новгородскими — и такъ Ильмена была наша древняя Лукреція? —

Черезъ два дня я вспрѣшилъ опять любимаго мною опшельника, предложилъ ему мысли Рейпра объ Ильменѣ. «Рейпръ правъ! сказалъ улыбувшисъ чернецъ; и Новгородъ долженъ имѣть свою Лукрецію. Опвѣчайте: въ какомъ опношеніи предки новѣйшихъ Римлянъ должны быть безгрѣшнѣ нашихъ предковъ Славянскихъ? между поклонниками Перуну

столько же, какъ и между поклонниковъ Юпитеру существовала *добродѣтель*. Должно жалѣть только о томъ, что ни Римляне, ни Славяне и никто изъ живыхъ никогда не признавалъ ее своимъ Богомъ? . . . Что прошивъ эпаго скажешь?»

«Иныя простонародныя пѣсни» такъ продолжалъ монахъ «выпѣваютъ, что Царевна Ильмена подняла на себя руки и погибла; а попому-то-де первый и плодовитый нашъ Трагикъ Александръ Пешровичъ Сумароковъ, какъ подшверждалъ мнѣ одинъ изъ его внуковъ, написалъ изъ сихъ послѣднихъ сказокъ свою Трагедію Синавъ и Труворъ; но Трагедію сшитую Французскимъ швомъ, если вы припомните. Тогда еще иначе не писали» присовокупилъ онъ съ усмѣшкою. — «Впрочемъ, возразилъ я: эту Трагедію нѣкогда весьма благосклонно принимали всѣ любители опечесвенныхъ зрѣлищъ. Почти въ наше время она не сходила еще со сцены; но прежде насъ Троепольская, совре-

менница Волкова и Дмипревскаго, Марья Сахарова, (прежде бывшая Синявская), неизмѣнный поварищъ въ прагическихъ роляхъ Шушерина, Плавильщикова и Померанцева; словомъ: лучшіе паланпы въ Государствование Екашерини Великой, съ большимъ искусствомъ разыгрывали ролю Ильмены, и потому имя Ильмены для насъ осталось и останется еще памятнымъ надолго. . . » — Не мое дѣло распространяться о вашемъ ше-апрѣ, говорилъ монахъ; но я увѣренъ, такъ заключилъ онъ, что слава имени, всегда рождается опъ славы дѣйствія? . . . »

Въ изустныхъ преданіяхъ города Суздаля есть еще старинная вѣсть о славномъ езерѣ Ильменѣ, синемъ морѣ Новгородскомъ. «Вопъ и пошла — такъ говорятъ просполудины — «вопъ и пошла кручинная Царевна «Альмена Смысловна*», вопъ и пошла

---

* У другихъ Поимена, или Поликсена Самойловна.

«она на сине море Новгородское, и съ
 «пѣмъ-де моремъ злашимъ перспнемъ
 «обручилася; но въ по же-де время въ
 «его быспрыхъ водахъ упоцилася; а
 «злудѣямъ въ неволю не доспалася; а и
 «съ поѣ поры море синее, по сине
 «море Новгородское — Поименинымъ
 «прозывается, Княжѣю водою колы-
 «хаеся — сладка-ша вода Поимен-
 «ская — да вопишъ и спонешъ во
 «спруяхъ своихъ и проч!» Согласася
 съ вымысломъ этой сказки въ Аль-
 менѣ, или Поименѣ Смысловнѣ, мы
 увидимъ нашу настоящую Ильмену
 Новгородскую.

«Великій Царь Смысль» говорилъ
 мой опщельникъ «у нынѣшнихъ про-
 сполоудиновъ переимаченный въ Царя
 Самойла, еспъ истинный Госто-
 мысль. Впрочемъ, кромѣ Тапищева,
 его поварищей и кромѣ переновлен-
 наго Суздальскаго лѣпописца, Го-
 спомысль не вездѣ сущеспвуетъ. Въ
 древности наша Русь, или наши
 Славяне, пакъ близко смилисъ съ
 Норманами, чпо я право не знаю,

найдеся ли такой знапокъ, которой бы рѣшительно могъ опдѣлить попокъ племени одного народа опъ попоковъ племень, идущихъ по признакамъ, опъ колѣна другихъ людей? «—Будущее непоспизжимѣ прошедшаго «замѣшилъ я; но вѣдь мы говоримъ только объ Ильменѣ.» —

Числая многія изъ древнихъ русскихъ стихотвореній, и я нѣкогда сдѣлалъ пишическій опытъ изъ порожденной опъ мечпы жизни Ильмениной. Здѣсь прилагаю крапкій опрывокъ моихъ стиховъ.

Сказки Норманскія намъ повѣсшвуютъ, что — Ильмена, гонимая любовью какого-то сильнаго властителя Холмоградскаго, рѣшилась погибнуть въ волнахъ синяго моря! — Мое подражаніе сей сказкѣ заключается въ слѣдующемъ :

Вѣшрь съ полуночи несешся,
Грянулъ громъ ужасный!
Ливнемъ дождь изъ шучи льешся,
День погибъ прекрасный!

Гдѣ шеперь приюшь Ильменѣ?

Кшо ее укроешь?

Здѣсь конецъ любви, измѣнѣ... .

Бѣдная ушонеешь!...

Изъ пещеры — за кущами

Слышишся ей голосъ;

Дѣва вскинула очами:

Вошь предсаль богъ Волошь!

Ояъ ошь снадѣ пришель нарочно

Ей прорѣчь кончину:

„Въ жизни счастье непрочно,

„Кинься шы въ пучину! —

„Тамъ погибнешь, и — свершишся

„Тѣмъ швоя судьбина!...“—

„Спрашно, ужасно рѣшишья!

„Гибельна пучина!... .

„Но и счастьеемъ я не льщуся!“

„Молвила Ильмена:

„Богъ велѣл ъ, на все рѣшуся,

„Тѣмъ избавлюсь плѣна!“

И въ волнахъ она сокрыла

Въ шо же мановенье,

Чѣмъ жила и чшо любила:

Крошосшь и шерпѣнье!...

«Все хорошо!» сказалъ мнѣ однажды чернецъ. «Да Неспоръ-шо не

говоришь ни о какой Ильменѣ* ; онъ, или послѣдователи его пишутъ просно, что Рюрикъ былъ сынъ Умилы дочери Госпомысла и жены великаго Князя Упсальскаго. Вы помните, мы однажды о ней говорили?» — И ничего не сказали, подумалъ я; но Историкъ чернецъ на сей разъ не предугадалъ моего мнѣнія и продолжалъ свое: «Умила имѣла у себя» говорилъ онъ «и другихъ сыновъ, прославившихся на военныхъ поприщахъ. Первый изъ нихъ назывался Синавомъ, или Синеусомъ, впорой Тувуромъ, или Труворомъ...» а претій Иваномъ Царевичемъ, присовокупилъ я, улыбнувшись. — Чернецъ самъ засмѣялся шой важности, съ копорою онъ усилился выразить имена Синеусъ и Тувуръ.

Въ послѣдній разъ (это было весной 1810 года) ходя по берегамъ

---

* Самое озеро въ его лѣшописк называется Армень.

Озера Ильменя, я дышалъ, пакъ ска-
зашъ, воспоминаніями о временахъ
прошедшихъ; мое воображеніе пере-
селялось за нѣсколько сполѣній. Тог-
да было пасмурно: сильный вѣперъ
колебалъ озеро, волны съ пѣною клу-
бились на ономъ. Дождь накрапывалъ;
я поспѣшилъ возвратиться и заклю-
чить всѣ мечпы мои слѣдующими
спихами :

Умила! вѣрю я, мечшаю;
Кшо знаешъ бывшее съ шобой?
Твоя могила гдѣ? — не знаю.
Твоя вся жизнь покрыва шьмой! . . .
Но не молчишь еще преданье
О славномъ имени швоемъ,
А въ немъ
Да будешь живъ пѣвца мечшанье! . . .

А гдѣ жъ Чернецъ-Историкъ Иль-
мены? — Его уже не было. Ры-
бакъ показалъ мнѣ креспъ воздвигну-
тый надъ ушопленникомъ. . .

III.

ЛЮБОВЬ И ЗАКОНЪ,

Историческое происшествіе.

*„Ахъ! если грѣхъ любите,
„Такъ цѣлой грѣшенъ седѣ!“*

ХЕРАСКОВЪ.

ЛЮБОВЬ и ЗАКОНЪ.

---

*„И сердце, въ пламенныхъ порывахъ
„Всегда дерзнетъ постигнуть васъ! . . .“*

А. И. ПИСАРЕВЪ.

Прекраса оставалась еще въ Константинополѣ, когда Константинъ Порфиродный съ помощію Бога и благочестія Папріарха Фотія просвѣтилъ мракъ заблужденія, помрачавшаго до того великую Правительницу Рускую; Святой смиренный Папріархъ Фотій былъ самъ восприемникомъ ея при святомъ крещеніи, и Прекраса была наречена Ольгою:—это случилось въ 955 году по Рождествѣ Христовѣ, въ году достопамятномъ сердцу каждого Русскаго добраго Христіанина. — Вотъ-то время, когда Великій Сердцевѣдецъ, открывъ путь къ нашему спасенію, сокрушилъ въ насъ сѣдую пѣшу невѣ-

деній! Вошъ пошъ путь, кошорой уже опкрышъ былъ для спранника — человекъ, подъ спасительнымъ бременемъ Креста, къ злымъ врашамъ Царствія Небеснаго! Тогда Богъ пребывалъ пошько одного смиренія гордости: кшо смирился, пошь и спасень; кшо преклонялъ колѣна предъ Его Свяшою Вѣрою, пошь равнялся свяшоспію съ Силами небесными.

Дружина Ольгина, послѣдую благочестивому ея примѣру, также воспріяла православную Вѣру Христіанскую, и Владѣтель Царяграда Константинъ Порфирородный учредилъ великія шоржеспва для сего случая. — Ольга съ дружиною будучи предметомъ сихъ радостныхъ шршеспвъ долженшвовала по необходимости опсрочить день возвращенія на родину, въ землю Русскую, гдѣ уже безпокоющійся объ ней народъ пребывалъ ея присушствія. — Должно было нослашь шуда гонца-благовѣшшителя, кошорый бы разорвавъ цѣпь заблуж-

деній языческихъ, именовъ Христа
оспановилъ буйспвенность волну-
щихся поклонниковъ Перуна, Лады и
другихъ испукановъ ; который бы
изъяснилъ имъ собою и примѣромъ
ихъ Правительницы, сколь Великъ и
Святъ Богъ истинный, и сколь ни-
зокъ и ничпоженъ дымъ слѣпаго язы-
чества, прахъ Идолопоклонства !

Младый Усердъ, названный въ кре-
щеніи Ипполитомъ, выпязъ храбрый,
добрый, любимый своею великою Пра-
вительницею, былъ избранъ опъ нея
посломъ къ ея народу Русскому. Онъ
не отрেকся опъ повелѣній Монархини
и съ сердечною радостію расчесавъ гри-
ву добраго коня, положилъ на него сѣд-
ло и отправился въ стольный градъ
Кіевъ, гдѣ ожидали его сердцу близкіе,
родыне и милые. Скоро онъ преплылъ
глубокія моря, широкія рѣки и вспу-
пилъ на любезную опечествленную
землю — Конь игралъ подъ храбымъ
выпяземъ и радостнымъ ржаніемъ
своимъ доказывалъ ему обще-дѣлимое
съ нимъ удовольствіе.

Самъ Ипполитъ не понуждалъ коня ; но въ счастливыхъ мечпаніяхъ ушѣшалъ воображеніе мыслями удовольствій сердечныхъ, мыслями любви — въ Кіевѣ ожидала Ипполита милая Сердцелюба, красавица изъ всѣхъ красавицъ спольнаго города : она одна была предметомъ желанныхъ благъ его ; къ ней первой онъ надѣялся лѣтѣнь на крылахъ могущественной спраспи, ей первой онъ хотѣлъ объяснить по удовольствіе, которое, по принятіи Христіанской Вѣры, ощущалъ внутри души. « Сердцелюба первая — думалъ онъ — должна быть моею послѣдовательницею ; лучъ благодати Господней ее освѣтитъ первую и — тогда предъ Олшаремъ Христовымъ насырь церкви Бога могущаго наименоуетъ насъ супругами. О ! какъ мы будемъ счастливы : тогда ничто не помрачитъ спокойствія нашихъ дней ; мы Христіане и должны быть счастливы ! » — Такъ размышлялъ младенствующій сынъ церкви истиннаго Бога ;

такъ онъ шерялся въ мечпахъ восхищеній, такъ рисовалъ въ воображеніи законъ непремѣнно счастливаго исполненія надеждъ — Не мудроно: кто увѣренъ въ любви своей любимицы, для того и невозможности кажутся несуществующими.

Но оставимъ странствующаго вишняка среди его цвѣшущихъ надеждъ, и посмотримъ: кто такая была Сердцелюба, и что она дѣлала въ отсуствіи предмета своей души. — Конечно плела вѣнки изъ утѣшительныхъ *незабудковъ* усыпала ими жертвенники Лады и Леля, и курила ими ошіамъ ошъ своего пламеннаго сердца; или не шерялась ли она въ радостныхъ ожиданіяхъ любимца, которой, по общему согласію, былъ долженъ принять ея руку вмѣстѣ съ ея душою, съ ея сердцемъ — посмотримъ!

Мать Сердцелюбы была родная сестра Вишязю Храбриму, онцу Усердову. Храбримъ умеръ въ язычествѣ и завѣщалъ сестрѣ сочешать своего

сына съ ея дочерью. Мать Сердцелюбы была согласна ; оспавалось только ждать положеннаго времени, которое было отсрочено за внезапнымъ отъѣздомъ съ Прекрасою юнаго Усерда — Но между тѣмъ, какъ продолжалось его странствіе, пустынный Ираклій, родомъ Грекъ и Христіанинъ, посѣпшилъ спрану Кіевскую и проповѣдовалъ заблужденнымъ Слово Божіе. Многіе обратились къ оному, склонясь на душеспасительныя увѣщанія и въ помъ числѣ Радима съ дочерью Сердцелюбою : онѣ преклонили колѣна предъ Свяшымъ ликомъ Спасителя и ушвердили клятвою пріяніе Закона небснаго, святаго сущаго. Ираклій нарекъ Радиму Софіею, а Сердцелюбу Вѣрою.

Сердцелюба восхищалась преобразованіемъ своего бытія, преклоняла колѣна предъ Богомъ-Хриспомъ и предъ Хриспомъ-Богомъ, каждодневно изливала къ Нему изъ глубины сердца молитвы и не воображала, что помъ же законъ, который ее спасъ,

долженъ бытъ разрушителемъ всѣхъ мечпаемыхъ ею благъ и, что съ принятіемъ сего закона ея любовь должна была по необходимости, или обратиться въ дружбу, или исчезнуть въ прахъ вмѣстѣ съ нею самою. — Мысли Сердцелюбы оставались также и мыслями Усерда; онъ также не понималъ, что благодѣтельной законъ пребралъ отъ него великой, неожиданной, несносной для его чувствованій жертвы. — Ираклій, не зная о пагубной спраси Сердцелюбы, не заботился о томъ, какъ искоренить ее. Онъ не зналъ спраси! Но если бы и зналъ, то и тогда поученія законника исчезнули бы предъ однимъ взоромъ любви? — Что бы тогда было? . . .

Высоко уже было въ то время солнце, какъ Ипполитъ проѣзжалъ окрестности Кіева; близко уже показывались вышки жилищъ Кіевскихъ; конь сильнѣе ржалъ подъ храбрымъ вишаземъ, изъясляя шѣмъ радость при встрѣчѣ вмѣстѣ ему памятныхъ и

любезныхъ. Ипполитъ, упоенный восхищеніями, вспоминалъ пріятныя прогулки съ своею Сердцелюбою. «Вопшь» говорилъ онъ, «вопшь это самая шалужайка, гдѣ мы, уславши, саживались подъ тѣнью густыхъ вязовъ, они еще все такіе же, какъ и тогда были; шаква ли-то она, моя милая, какова была прежде? — Вопшь и потъ быспрый ручей, изъ копораго она въ жаркій полдень краснаго лѣша ушоляла свою жажду; будшо и шеперь вижу, какъ она, черпая бѣлою рукою, шила эту прекрасную ключевую воду, и попомъ иногда бѣлою же своею рукою поила меня! — Какъ сладка мнѣ казалась эта вода, о помъ могушь воображать шолько шѣ, копорые любяшь шакже, какъ я люблю, и копорые испытали сами собою, что шакое значить пить съ руки любезной!... Ручей все шаквъ же, ни въ чемъ не измѣнился; но не перемѣнилась ли моя милая? — Ахъ! вопшь и сосна, подъ копорою я съ Сердцелюбою при первомъ блескѣ

луны останавливался слушать громкую, пріятную пѣснь соловьиною! Будно и теперь гляжу, какъ эта милая крошечная пшашка, замѣшивъ ее слушавшую красавицу, спаралась въ шреляхъ, дробяхъ и перекапахъ превзойдти и самое то искусство, копорымъ она одарена отъ матери — Природы!... Сосна все также; да соловушка ужъ нѣтъ здѣсь, онъ умолкъ!... Не пересталъ ли пѣть онъ для того, что безъ меня моя Сердцелюба не посѣщаетъ больше эшаго мѣста. Такъ точно нашъ соловей не поетъ... онъ лишился шой, копорую умѣлъ славословишь въ своихъ пѣсняхъ; а Сердцелюба для того болѣе не посѣщаетъ здѣшнихъ мѣстъ, что она одинока; живучи же одиноко, можно ли чѣмъ нибудь утѣшаться? На что ни взглянешь, все съ своей парой, даже и цвѣты растутъ парами: цвѣшокъ къ цвѣлку, цвѣшокъ подлѣ цвѣпочка... Ахъ! что-то теперь моя Сердцелюба: шаква ли-то она для меня, ка-

кова была прежде? «Въ такихъ размышленіяхъ юный герой подѣхалъ ко врапамъ градскимъ, шумъ посадники, тысяцкіе и другіе живые люди встрѣпили его при восклицаніяхъ радостныхъ и, съ сими кликами радости, проводили его до жилища Сердцелюбы.

Конь самъ оспановился предъ свѣшлымъ, высокимъ перемомъ Радимы. Сердцелюба прежде всѣхъ увидѣла милого друга, и сбѣжавъ съ краснаго крыльца, первая кинулась обнимать его. — «Я Христіанинъ!» говорилъ Ипполитъ, и въ радостныхъ воспоргахъ крѣпко прижалъ ее къ вѣщему сердцу. — «Я Христіанка!» говорила Вѣра, лаская своего любимца сипраспными, пламенными взорами и осыпая горячими поцѣлуями. И такимъ образомъ они вспунили въ свѣшлую, обширную грядню Радимины. — «Онъ Христіанинъ!» повпорила Вѣра, предспавляя Ипполита машери, которая гошова была приняшь его въ свои объятія. — «И мы Христіане!» вскричало вдругъ нѣсколько

голосовъ. — «Вы Христіане и вы примирились съ истиннымъ Богомъ!» изрекъ имъ смиренный Ираклій, которій былъ также въ толпѣ радостныхъ. «Вы Христіане, и вы счастливы навсегда!» повторилъ онъ не однажды. — День прошелъ въ увеселительномъ пиршесствѣ и одинъ только полуночный блескъ лунный напamяшовалъ пирующимъ, что время оставить праздникъ родства, любви и дружбы.

Рано въ слѣдующее утро Ипполитъ пришелъ навѣстить келью Ираклія, сей едва только совершилъ утреннія пѣсни Великому Богу. — «Да будетъ благословенъ твой входъ сынъ мой!» сказалъ старецъ выпивая. — «Съ нами Богъ!» ошвѣчалъ послѣдній. — «Что привело тебя ко мнѣ и въ такое необычное время?» спрашивалъ монахъ. — «Вѣра Небесная меня спасла.» говорилъ Ипполитъ: «и такъ пусть вѣра земная въ соединеніи съ Небесною Вѣрою довершитъ счастье швоего сына!» — «Да благословитъ тебя Господь Богъ!»

воскликнулъ Ираклій. «Но кто сія счастливица, копорую пожелалъ бы имѣть себѣ подругою Ипполипъ Христіанинъ?» — «Добродѣтель въ образѣ человеческомъ, мой Ангель хранитель! Вѣра дочь Софіи, Премудрости Божіей!» воскликнулъ юноша. — «Трепещи грѣшный» произнесъ Ираклій «вострепещи шворишь кумиръ и въ помышленіи швоемъ; законъ Христіанина запрешилъ уподоблять смерть безсмертію, слабость силъ Вездѣсущаго; искорени пищу міра и поученія язычниковъ: не умѣй опвѣчать на вопросъ: Кто равень Богу?» — «Я смирился» промолвилъ огорченный неожиданностію юноша. — «Я сознаюсь предъ Господомъ и побою въ заблужденіяхъ сердца; но, мой отецъ! развѣ не должна бытъ Вѣра супругою воина Хриштова?» — «Нѣтъ!» опвѣчала рѣшишельно спарецъ: «законъ истиннаго, вездѣсущаго Бога несвязуетъ союзовъ, запечашлѣнныхъ кровью родства: Вѣра сестра тебѣ... и пакъ, мой сынъ, избери въ подруги

себѣ другую, подобную Вѣрѣ; но не самую Вѣру! . . .»

«Ей нѣшь подобной!» воскликнулъ опчаянный Ипполишъ; «спарецъ! смиришь предъ чувствами Природы, онѣ побѣждаютъ всѣ законы! Тренищи и ши моего гнѣва: если ши осмѣлился во зло употреблять мою довѣрчивость? Я Христіанинъ и я долженъ быть счастливъ; мой Богъ милосердъ; любовь и дружба — символъ Его величій.» — Ираклій молчалъ. — «Богъ спрашенъ для позабывшихъ Бога» продолжалъ Вишязъ «но Онъ крошкѣ для шѣхъ, которые чрезъ Него и по примѣру Его любви къ намъ сооружаютъ Ему неиспробимый жертвенникъ признательности въ душѣ и сердцѣ. На этомъ жертвенникѣ любовь и счастье, и счастье и любовь курятъ еиміамъ Богу!» Здѣсь Ираклій взялъ Ипполипа за руку и тихо вывелъ изъ кельи; возвращаясь въ нее, онъ заперся и началъ молиться.

Юноша, оставленный спарцемъ, въ грусти и опчаяннїи забылъ всѣ вліянія спасительной религіи, онъ проклялъ свѣспильникъ озарившій тьму его невѣдѣній, онъ проклялъ святую спрогосць спарцеву и дерзнулъ назвасть его лжеучителемъ. — Изступленнымъ вбѣжалъ онъ въ теремъ любимицы, шамъ, упавъ передъ ней на колѣна : «Вѣра!» вскричалъ онъ, «я опять язычникъ! Ты, мой Богъ! ты должна спаси меня?» — «Я швой Богъ!» воскликнула съ содроганіемъ Вѣра. — «Ты мой Богъ! повшорилъ вишнякъ, и ты должна спаси меня; да, кто мой спаситель, пошь и Богъ мнѣ!» — «Ты несчастный безумецъ!» продолжала со слезами Вѣра, «Я швой Богъ? я бѣдное, слабое существо; я трепещу и предъ однимъ мановеніемъ Силы вышней!... Но говори мнѣ, что сказалашь тебѣ Ираклій?» — «Ты сестра мнѣ!» отвѣчала опчаянный Ипполишь «ты мнѣ сестра!» повшорилъ онъ. «Пу-

стынникъ предавъ проклятію нашу
страсть!»

Вѣра лишилась чувствъ и слезы
Софіи, ея маперы, соединенныя со спо-
номъ несчастнаго юноши, наполнили
домъ прежнихъ радостей и счастія!
Прошекли мѣсяцы и любовь, проши-
воборствуюя закону, не могла ни по-
бѣдить, ни укропитъ силы своего
владычества. — Исполнѣвъ забылъ ре-
лигію Хриспіянина, забылъ священный
обѣщъ, возложенный на него Ольгою;
язычесиво преклоняло свои колѣна
шолько предъ единымъ гласомъ Ирак-
лія; но оно не слыхало увѣщаній Иппо-
литовыхъ! — Вѣра, не испребляла своей
любви; но не могла уступать права за-
коновъ правамъ заблужденій: она рѣ-
шилась умирать подъ тягостію креста
ею носимаго. — Иравлій былъ непре-
клоненъ! . . .

Солнце еще бросило лучъ въ
пустыню мрака и радость нача-
ла разцвѣпать на лицахъ бѣдств-
вія. — Ольга возвратилась въ Кіевъ,
шоржествующіе Хриспіяне приняли

ее со всѣми знаками опличнаго удовольствія.—Всѣ Князья, Бояра, Госпи и Вишязи явились на пиршествахъ великой Правительницы Россійской; одного только не было памъ Ипполипа, одной только недоспавало памъ Вѣры. — Ольга спросила о своемъ любимцѣ и—тайна его опкрылаеь предъ свѣшлымъ ея взоромъ.

«Онъ погибъ!» сказалъ Ираклій; «ничшо не помогло снятъ повязку мрака его ослѣпившаго!» — «Онъ воскреснетъ!» произнесъ Патріархъ Фотій, которой также сопровождалъ Ольгу въ Кіевъ «Онъ воскреснетъ» повторилъ онъ: «Богъ Хрисіанской милосердъ, всевѣдуць и — слабостъ смершнаго предъ закономъ, всегда прощающимъ кающихся... игра младенца! Господу было угодно, чшобъ Ипполишь полюбилъ Вѣру; Господу было угодно, чшобы Вѣра любила Ипполипа; ихъ любовь свята и непорочна! Власъ Господня неисповѣди-ма! да будешъ Ипполишь супругомъ

Вѣры, да будетъ Вѣра супругою Ипполипу.»

«Да будетъ! да будетъ!» воскликнули всѣ Хрисііане и, любовь вѣрующихъ и кающихся вознаградилась предъ олтаремъ Бога боговъ: Фотій утвердилъ ихъ бракъ; Ольга нарекла ихъ покровительницею!—Усерднѣйшій блюститель вѣры, Ираклій, научился изъ смысла своихъ молитвъ познавать, что нашъ Господь Богъ пребудетъ только одного смиренія гордости, признанія въ любви взаимной и дружбы чистой, и—что предъ дверями Его олтарей, заблужденіе и отчаяніе должны находить единую непорочную радость!

Ипполитъ и Вѣра были счастливы во все теченіе дней своихъ: они были примѣромъ вѣрующихъ и добродѣтельныхъ. —

Но это происшествіе сбылось во времена древніе, тогда подобные браки должны были заключаться по необходимости для поощреній буйствующаго язычества къ обращенію въ

Христіанство. — А нынѣ, вы сыны (какъ заключилъ старый разскащикъ повѣсти), блуждающіе въ мрачномъ лабиринтѣ спрасней, вы озарены уже свѣтомъ чистѣйшей Вѣры, вы должны смиряться предъ свяною твердостію оной и слѣпо повиноваться всѣмъ утѣхамъ Великихъ Пасхырей Церкви: оми святы!

IV.

С П Ъ Ж А Щ А .

Музы подмосковныхъ преданій.

С Н Ъ Ж А Н А.

---

*„Дни прежнихъ лѣтъ не возвратятся
Ихъ лѣта вѣчность унесла,
Ихъ жизнь истекла, отжила;
Но наши дѣды веселятся,
Вспоминая эти дни!...“*

... ..

«Садись ближе ко мнѣ» — сказалъ мой дѣдушка — «садись же дѣпи, и между тѣмъ, какъ на дворѣ не видно ни зги, между пѣмъ, какъ вѣшеръ по свищешъ, по воещъ въ нашихъ горахъ и дѣбряхъ, а дождь спучипъ по крышкамъ хижинъ, мы разложимъ дрова въ каминъ и запонимъ его, онъ попригрѣешъ насъ, дѣпи; а я вамъ расскажу одну спаринную сказку, вы ихъ охотно слушаешъ — садись.» И вопъ мы всѣ начали пѣсничъся вокругъ дѣдушки, пропивъ камина. Розовое пламя разлилось и — дѣдушка началъ рассказывать сказку:

«Ну дѣши!» говорилъ онъ «вопѣ вы знаете по мѣсто, гдѣ возвышается красивый золоной курганъ Мячковскій*»; вы знаете, что это мѣсто карпина: тамъ Москва рѣка не глубока, но быспра: она омываетъ тамъ подножье Мячковскаго кургана—крушую гору. Смородинникъ, индѣ малиникъ и во множествѣ орѣшникъ составляютъ окрестные сады эшаго мѣста.—Оттуда видъ на окружныя деревни, селы и на бѣлые извѣспиковые круха, образующіе подобіе городовъ, очень плѣнителенъ. Многіе говаривали мнѣ, что путь могила одного знаменишаго рапобоища; а Ивановна, старая моя няня, достоверно рассказывала, что сюда же налетывалъ изъ Мурома Соловей разбойникъ. Прикащикъ Ермолай и слѣпой дьячекъ вшорили ей; но и прибавляли еще, что путь же нѣкогда живали славные Волх-

---

* Въ 30 версахъ отъ Москвы, по Коломенской дорогѣ, на крушомъ берегу Москвы рѣки. Ученый и незабвенный нашъ поэтъ А. Ѳ. Мерзляковъ воспѣвалъ Мячковскій курганъ на 30-лошой своей лирѣ.

вы и чародѣи — что будто бы это былъ неприступный земляной Замокъ Вѣдьмы; — но мало ли кто что говорилъ, это все пустое, все пустое!... Бабу догадки».

Дѣдушка умолялъ, чтобы поправишь дрова въ каминѣ; а мы сидѣли разинувши рты и ждали нетерпѣливо любопытной отгадки Мячковскаго кургана.

«За нѣсколько вѣковъ предъ симъ (продолжалъ почтенной старецъ) — говоритъ вѣрное народное преданіе — тупы были лѣса непроходимые, дремучіе, темные, и курганъ былъ все такимъ же, каковъ и теперь, никто не запомнилъ истиннаго его начала — онъ свидѣтель многихъ славныхъ и безславныхъ происшествій нашихъ; онъ пережилъ безчисленное множество Князей, Царей, Героевъ — Вишазей и прочихъ и прочихъ; онъ же будетъ свидѣтелемъ, можешь быть, еще на долго многого, до тѣхъ поръ, пока разрушитъ его рука времени?»

Мы умремъ и дѣти нравуковъ нашихъ помрутъ ; но спанется, что курганъ на своемъ мѣстѣ все еще будетъ.»

Спарикъ опять умолкъ на минушу и всѣ молчали, тогда тихой Ангель поспѣшилъ нашу хижину.

«На самой маковѣ кургана» — заговорилъ опять дѣдушка — стояла низенькая, просная; но опрященная хижинка, тѣнь березъ и дубьевъ защищала ее отъ зимнихъ вьюговъ и другихъ непогодъ сѣверныхъ ; а лѣтомъ эта же тѣнь доставляла прохладу счастливымъ обитателямъ хижины.—Випись Мирославъ и жена его Любмила были единственными обладателями хижины.—Эпопъ випись Мирославъ давно оспавилъ пышный дворъ Князя Владиміра ; зависть да клевета, вооружась прошивъ него, очернили его понапрасну въ глазахъ Государя краснаго солнышка. — Можетъ быть Князь Владиміръ и чувствовалъ свою несправедливость ; но по врожденному самолюбію въ каждомъ изъ насъ, дѣти, онъ не хотѣлъ каяться

въ напраслинь и попому вопшь и велль онъ удалитсья виписю; онъ ему запрешиль вьчно казатсья ко двору. Виписзь Мирославъ взялъ Любмилу за руку, гореспно распался съ осльпленнымъ Княземъ; но былъ долженъ покинуть по мьсто, гдь благодарность и любовь, въ счастливые дни его жизни, награждали лаврами и миршами плоды его усердия къ опщизнь, ревности къ добродьшелямъ Князя! Долго изгнаники скипались по памь, по здьсь, и по горамъ и по доламъ, и по льсамъ и по делямъ, и по городамъ и по селамъ; они искали приюта и нигдь его не находили. Эти изгнаники были изгоняемы опь всюду. Однь любовь да дружба ихъ не оставляли; онъ были съ ними вездь, и вопшь ими-по супруги были веселы, довольны: опь нихъ-по спокойствие всегда царствовало на ихъ лицахъ.»

«Какое прекрасное мьсто!» сказала однажды спранспвующий Мирославъ своей Любмиль. «Посмотри душенька, какъ оно хорошо!» повпориль онъ, указавъ высокия деревья на золотомъ

Мячковскомъ курганѣ. — «Прекрасное мѣсто!» молвила, упомянутая дальними и непрестанными спрашиваніями прекрасная Любмила, — нушь она остановилась на берегу рѣки, опустила голову на плечо Вишязя и устремила большіе голубые глаза на высоту горы. — «Здѣсь сторона необитаемая, лѣса дремучіе, а Кіевъ, шакъ далекъ опсюда, шакъ далекъ» говорилъ Мирославъ «что никто не будешъ знашь объ насъ гдѣ мы и, что шеперь мы? я согласенъ въ эпой неизвѣстной пустыни поселиться и бышь счастливымъ!» . . . — «Какъ мы здѣсь поселимся?» вскричала съ безпокойствомъ красавица. «А люшые-то звѣри, а ужасное-то одиночество!» — «Звѣринелюше людей «опвѣчалъ Вишязь «изъ звѣрей есть злые, но не хищные, и потому мы скоро найдемъ способъ усмирить ихъ ; что жъ принадлежитъ до одиночества, то гдѣ любовь, шамъ нѣпъ его» довершилъ онъ, вздохнувши и поцѣловавъ супругу. — «И я на все согласна,» отвѣчала

Любмила со взоромъ исполненнымъ любовью: «Свѣшъ мой шамъ, гдѣ пы со мною.»

«Мирославъ взвелъ ее на курганъ, принесъ богамъ жертву, и чрезъ нѣсколько дней на курганъ уже возвышалась бѣдная хижинка—бѣдная по наружности, да богатая любовью и дружбой! Ахъ! такое богатство не вездѣ и не у всякаго; оно и понынѣ рѣдкость, дѣши.»

«Прошли годы, и супруги жили въ одномъ и томъ же спокойномъ уединеніи; люди болѣе не претовожили ихъ, не оскорбляли ихъ злобою! — Природа и любовь были предметомъ ихъ утѣшеній. — Мирославъ счастливъ, счастлива была и Любмила, казалось, что желанія ихъ свершились вполнѣ; но—они еще желали... — Время лепѣло! — Осень Природы готовила въ каждый годъ для нихъ обильныя жатвы; но, съ тѣмъ же вмѣстѣ, ихъ собственная осень приближалась, а они не имѣли еще утѣшенія насладиться плодомъ ея: супруги были бездѣля-

ны. Предбудущее ихъ ужасало! — Часто говаривалъ Мирославъ: « Можешь бышь, скоро зима осребришь наши волосы, можешь бышь, тогда мы должны будемъ разлучиться: кто жъ будетъ подпорою одинокаго, кто закроетъ глаза отспалаго? «Эшо спрашно, очень спрашно! не напоминай мнѣ объ эшомъ» — говаривала всякой разъ Любмила — и всякой разъ слезы капились изъ ея пламенныхъ глазъ! Такъ проводжали жизнь изгнанники: любовь доспавляла имъ радость; предчувствованія о будущемъ ужасали ихъ; но дружба разсѣявала эши предчувствованія и — они были спокойны. »

« Чшо я сего дня видѣлъ! » сказалъ однажды Мирославъ по возвращеніи съ охоты. « Чшо я видѣлъ и — если эшо исполнился: шо велика, велика милость нашихъ боговъ; они не позабыли еще оппорженныхъ изъ общества живыхъ! » — Чшо? чшо такое? спрашивала ея съ ласкою Любмила; говори мнѣ, чшо такое;

я всегда увѣрена въ милосердіи нашихъ боговъ.» Слушай, слушай, не-оцѣненная подруга!» — продолжалъ Мирославъ, приходя поспешенно въ сердечный воспоргъ:—«я бродивши сего дня очень много по лѣсамъ и дебрямъ, шакъ обезсилѣлъ, что за нужное почель нѣсколько подкрѣпить себя сномъ и—легъ; эшо было шамъ, шамъ далеко, по шу спорону рѣки, вопшь въ нтомъ непроходимомъ лѣсу, кошорой опсюда едва можно видѣнь; я шамъ легъ и, засыпая въ мысляхъ съ побою, мой другъ, былъ счастливъ! Сонъ мой очень былъ легокъ, кажешся, я все чувспивовалъ бакъ на яву. Мнѣ живо предспавился свѣшлой образъ Богини Дедиліи*: онъ приближался ко мнѣ; но я будучи въ священномъ ужасѣ, не могъ взглянуть на него; какой-то непоспижный препеть обуревалъ всѣ мои чувспива, я

---

* Славянская богиня, у кошорой Славянки просили счастливой беременности. Кратк. Словар. Славян. Баснослов. Изд. при Журн. Пѣснобнѣя. 1809. Часть 1-я.

быль нѣмъ. — «Чего ты хочешь?» съ небесною ласкою и взявъ дружественно мою руку, спросила меня Богиня. — Я молчалъ. «Говори, говори!» повторила она нѣсколько разъ: «Мирославъ! я знаю, что ты несчастливъ, и не знаю, будешь ли ты счастливымъ, швое будущее опть меня скрыто; оно сполько же мнѣ неизвѣстно, какъ и тебѣ: я не могу помочь шунъ.» Я счастливъ въ моемъ наспоящемъ бышнн. — произнесъ я прерывающимся голосомъ. «Не совѣмъ» опивчала Богиня: «ты имѣешь достойную, несравненную супругу; ты ведешь съ ней крошкую, невинную жизнь, пріятную богамъ; но ты все еще несчастливъ; швоя супруга безплодна, и ты не знаешь радости утѣшать себя дѣльми, ты не знаешь съ радостію, копорю наслаждаются всѣ другіе супруги.» Правда! правда! — вскричалъ я — и готовъ былъ пасть къ ногамъ Богини; но она меня остановила. «Съ сего времени ты долженъ забыть швое печали»

произнесла безсмертная: «знай, что швоя супруга скоро подаритъ тебѣ плодомъ взаимной вашей любви! — Ты долженъ мнѣ вѣришь. Одно вознагражденье, котораго опъ васъ пре-
буетъ Богиня Дидилія, есть то, чшобъ вы принесли ей чистую жер-
пву изъ бѣлаго снѣга, онъ скоро уже покроетъ ваши поля. Это самая не-
винная жертва, самая безвредная, ибо опъ ея принесеній мнѣ и малѣйшая шварь не поспраждетъ. Снѣгъ чистъ это не-
порочность... шакво будетъ дшя ва-
ше; снѣгъ бѣлъ это знаменіе красоты наружной: холодность снѣга изчезнетъ при наступленіи полной весны! . . .»

«Я опаматовался, палъ на колѣна и про-
лилъ благодарственные молитвы изъ
глубины души! — «Мирославъ умолкъ,
а восхищенная Любмила благословля-
ла въ гимнахъ небесное существо
возвѣспившее имъ о счастіи.»

«Въ радостномъ ожиданіи окончи-
лась осень, — первый пушистый снѣгъ
покрылъ землю, и супруги симъ са-
мымъ первенцемъ принесли жертву

Богинь — благодѣтельница; еще прошло нѣсколько времени и онѣ утѣшились прекрасною Снѣжаною, истинно прекрасною, какъ говоритъ преданіе: потому что такихъ прекрасныхъ дѣшей не бывало еще и не будетъ въ свѣтѣ.»

«Теперь однообразная жизнь изгнанниковъ обратилась въ жизнь райскую: они жили утѣхами, видѣли утѣхи, встрѣчали ихъ и — ожидали только утѣхъ однѣхъ. Снѣжана соединяла въ себѣ всѣ радости, всѣ прелести, всѣ совершенства. — Мирославъ и Любмила были превыше всѣхъ своихъ надеждъ; они научали ее только одной добродѣтели; но отдавая, опъ ней и самое малѣйшее зло, посвящали ее только жизни пустынной — и Снѣжана легко могла пріучиться ко всѣмъ переменамъ времени, ко всѣмъ трудностямъ скитанья по горамъ, лѣсамъ и дебрямъ. — Ея занятія были благо семейственной жизни: молитва, охота; ея свѣтъ состоялъ только изъ однѣхъ окрестностей;

люди, обидители его, были только она и ея родители; но что существовало тамъ, тамъ за лѣсами и долами, то для нее оставалось непостижимымъ — Снѣжана не хотѣла и не умѣла понимать того! . . .»

«Когда жъ случилось, что она спрашивала родителей: неужели мы только одни въ свѣтъ? — одни, — отвѣчали они, и пѣть заключали всё. Но любопытство распентъ съ лѣтами, и вошь дѣвица не хотѣла вѣрнѣе одиночеству; она докучала своими вопросами по олицу, по шапери и — пошъ, или другая иногда отходили отъ нее съ замѣшательствомъ. Она замѣтила это, и перестала спрашивать, надѣясь, можетъ быть, постигнуть, сама собою, непонятную для нее загадку.»

«Не рѣдко, красавица, гуляя по окрестнымъ лугамъ и рощамъ, видала, какъ горлица, соловьи и другія пшички лѣпали, и какъ кролики, зайцы и другіе звѣри, бѣгали парами.

«Одна я одною!» говаривала она: «у моего опца ешь подруга; у кролика, у горлицы, у всѣхъ пшашекъ, у всѣхъ звѣрей по же подружки; а можешь бышь, и всѣ рыбы живуть съ парюю же; пакъ не, ужели только мнѣ посуждено жить одинокой? Нѣтъ! я пому не вѣрю; шупъ ешь мудреная пайна?» — Въ самомъ дѣлѣ, мудреная пайна долго оспавалась для нее самою мудреною тайною, именно: до пѣхъ поръ, пока всѣ ея прелести не показали всѣхъ своихъ цвѣповъ въ ихъ полномъ цвѣтѣ. Вотъ тогда уже и самъ Лель сдернулъ шемную завѣсу съ ея прекрасныхъ глазъ.

«Вешнее солнышко играло, пшички пѣли, зайцы и кролики рѣзвились, рыбы плескались въ спруяхъ Смородники*»; все радовалось, все веселилось, вездѣ были видны слѣды воскресающей жизни; — лишь Снѣжана, уныло опустивъ голову,

---

* Рѣка Москва, въ древности называлась Смородинкою.

сидѣла на цвѣшущемъ, бархапномъ пригоркѣ, (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Коломенская дорога), и срывая головки цвѣшовъ, бросала ихъ въ рѣку. Брошенные ею цвѣшочныя головки повпоряли въ водѣ только буль, буль, рѣже, или чаще, а все буль, буль, буль, и больше ничего! — Но вдругъ безмолвіе красавицы прервано: глазамъ ея предспаешъ странное видѣніе: она его не постигаешъ; никто и ничто не можешъ ей изъяснить его! — Въ отдаленности, за нѣсколько шаговъ отъ дѣвицы, прекрасной юноша гордо ѣхалъ на Персидскомъ конѣ и направлялъ его прямо къ хижинѣ; — Снѣжана едва опомнилась, хотѣла бѣжать; но въ нерѣшимости ошановилась; чувство, выше любопытства, удерживало ее до тѣхъ поръ, пока мѣстъ юноша къ ней не приблизился. — Снѣжана ободрилась и съ гордостію спросила незнакомца: говори мнѣ, что ты такое? Кто тебѣ надобенъ? Если ты Богъ, то я готова принести тебѣ жершву. —

Юноша, нашедши посреди дикихъ, безлюдныхъ степей непоспѣжиму для него красавицу, самъ былъ обьяснъ недоумѣніемъ и, долго не могъ собраться съ духомъ, что ошвѣчать ему на предложенные вопросы.— Кто ты? повнорила Снѣжана. Я Какмилъ — проговорилъ юноша — сынъ любви Владимировой*, я

* Исторія, вамъ не указываетъ на Какмила, между сынами Владимировыми; но кому не извѣстно, что до воспріятія свашаго крещенія Владиміръ, слѣдуя примѣру Соломонову, имѣлъ шесть законныхъ женъ и до 800 наложницъ: и такъ возможно ли сохранишь Исторіи всѣ имена дѣшей Владиміровыхъ? — да и на что? — Не диковинка, такъ же и то, что Какмилъ, разгуливая на охопѣ могъ далеко захватить оиъ споліцы своего ошца! Охопа древнихъ Россіянъ сосставляла родъ нѣкошорыхъ Рыцарскихъ пушешествій, въ кошорыхъ, какъ извѣстно, всѣ наши спаринные поповичи и пленковичи искали не дикихъ звѣрей; но привлоченій славы! — Ихъ пушешествія не рѣдко предпринимаемы были въ самыя дальнія и неизвѣстныя спраны... Ксшати, такъ же, припомнимъ и то, что Княжество Ростовское соспояло — подъ властію Владиміровою, слѣдовательно и окрестности Московскія легко могли сосставляшь, если не часть Ростовской обласпи, то, по крайней мѣрѣ, одну изъ ея границъ.

былъ на дальней охотѣ и потерялъ до-
рогу.— А развѣ кромѣ насъ еще еспѣ лю-
ди на бѣломъ свѣтѣ! вскричала красави-
ца; развѣ и тамъ, за лѣсами, еще ды-
шашъ существа намъ подобныя? —
Еспѣ, любезная дѣвица, и очень много;
но скажи же мнѣ прежде, кто ты сама,
непоспѣжный жипель лѣсовъ? — Я
Снѣжана, опвѣчала она съ невинно-
спѣю, мойо пецъ Мирославъ, моя мапѣ
Любмила, пакія же люди какъ и я, какъ
и ты! — Гдѣ жъ они? поведи меня
къ нимъ, пуспѣ они успокояшъ
спранника сына своего Князя. —
Снѣжана не хотѣла болѣе пребовашъ
объясненій на слова, для нее непоняш-
ныя; она взяла Какмила за руку и,
повела его подъ кровлю опцевъ. —
Что, тогда, ощуцалъ Какмилъ, ког-
да красавица держала его за руку. —
это ощущение могло понимашъ поль-
ко его сердце! Покуда они шли, юно-
ша предлагалъ ей нѣсколько вопро-
совъ; но всѣ его вопросы неимѣли оп-
вѣта. — Снѣжана часто оспанавлива-
лась, чпобъ поглядѣшъ въ лицѣ Какми-

лу, или, поразсмотрѣвъ его одежду; но во все время ничего неговорила и вела его, въ самомъ глубокомъ молчаніи, къ хижинѣ.»

«Что это значить!» вскричала Любмила, увидѣвши дочь съ Какмиломъ. — «Ахъ! это человекъ! мы погибли!» произнесъ Мирославъ. Здѣсь онъ закрылъ лице руками и гошовъ былъ «упастъ на землю.—» Мои опцы! глядише, что это такое, сказала съ неизъяснимымъ возпоргомъ Снѣжана, показывая на юношу. «Мои опцы!» повторила она: «это чудо — человекъ и, человекъ такой же, какъ и ты мой родителъ: онъ себя назвалъ сыномъ Владиміра—Князя, копорый живешъ тамъ за лѣсами.» — «Онъ сынъ Владиміровъ! Боги! произнесли съ ужасомъ изгнанники. — Да я сынъ Князя Руси! говорилъ съ какою-то, опличительною, скромностію Какмилъ, я сынъ его любви, сынъ его — любимецъ, пребующій вашего покровительства. Въ вашихъ непроходныхъ лѣсахъ я пошерялъ

дорогу и, если бы я не нашель слѣдовъ дѣвицы, тогда бы моя гибель могла бытъ неизбежною: у васъ волки и другіе ужаснѣйшіе ихъ звѣри ходятъ spadaми!... Но изъясните и вы мнѣ, почтенные старцы, кто вы такіе, за чѣмъ обихаете въ сей дикой пустынѣ тогда, какъ имѣете сокровище, которое бы могло бытъ украшеніемъ цѣлому свѣту — вы скрыли его въ ничтожествѣ? — Ахъ! сынъ! моего Князя! вымолвилъ Мирославъ, мы люди позабытые людьми; ты оставь насъ и, я покажу тебѣ путь безопасный! Но прежде того, дай намъ слово, что ты эту встрѣчу съ нами будешь хранить въ вѣчной, не проникаемой тайнѣ.» —

«Какъ, возможно ли это!» вскричала Снѣжана. «Опець! ты самъ пребуешь того, чтобы насъ онъ оставилъ, ты у меня опинаешь его?» — Какмилъ взглянулъ на Снѣжану, можетъ бытъ, хотѣлъ говорить многое и, произнесъ только: «я не хочу знать вашей тайны и —

никогда васъ не оставлю. Я буду жить при васъ, и — умру вмѣстѣ съ вами въ одной и той же неизвѣстности, которою вы и теперь живете!...»

— «Что это значитъ Князь!» говорилъ Мирославъ. «вы намъ не понятенъ? какое удовольствіе, какія выгоды себѣ жить съ изгнанными въ неизвѣстности, съ мертвыми въ могилѣ? — Вы изгнанники? ... а кто бы осмѣлился изгнать Бога изъ общества смертныхъ!.. Говорите мнѣ, кто вы? — Князь! вы блуждаете, опивчаль Мирославъ, между вами нѣтъ Бога, мы вѣруемъ въ боговъ, какъ и вы; одно имя наше тайна. Да и согласись въ томъ, что изгнанники не должны жить съ именемъ. Мы только люди, вопль все названіе, котораго еще отъ насъ не отнимали. — Спарецъ! прервалъ юноша, вы возраждаете мое любопытство! Доскажи мнѣ: не вы ли потъ Мирославъ, потъ справедливый и добрый Вишлякъ, который спасая моего отца, спасъ весь народъ Русскій? Но тогда

зависть оклеветала тебя въ ослѣплен-
ныхъ глазахъ Государевыхъ? Говори
мнѣ, ежели ты Мирославъ, то ты
опять полѣпишь къ сердцу твоего
Князя! Владиміръ раскаялся, онъ тебя
ищешь, онъ наказалъ твоихъ зави-
сниковъ и, гошовъ у твоихъ ногъ
просить себѣ прощенія.»

« Мирославъ молчалъ и боролся самъ
съ собою, пишина и какая-то не-
извѣстность царствовали на всѣхъ
лицахъ; но вдругъ звукъ охотничь-
ихъ трубъ прервалъ безмолвіе.
Большая свита Какмилова съ восхи-
щеніемъ окружила юнаго Князя; удив-
леніе Снѣжаны было неизъяснимымъ.
Надежда возвратиться къ новой
жизни родилась въ сердцахъ изгнан-
никовъ.»

« Какъ, это Мирославъ! это добрый
неустрашимый Вишязъ Мирославъ,
спасишель Князя и опчизны!» Вдругъ
повпорили многіе голоса свиты Как-
миловой, узнавшіе Мирослава. « Какъ
это ты, мужъ почтеннѣйшій! — По-
впорилъ также съ воспоргомъ и самъ

Какмиль — ты почно пошь самый, кошорый спасъ жизнь моего ошца, ты, другъ вѣрнѣйшій швоего Государя? Владиміръ сознается въ несправедливости предъ тобою, шебя оклеветавшіе посрамлены, и — если ты пребуешь, то и сынъ швоего Князя у швоихъ ногъ.*»

«Мирославъ пронушый до глубины сердца, въ рыданіи не могъ произнести ни слова; но Снѣжана кинулась на шею Какмила и вскричала: «Добрый юноша! между нами не живетъ злоба: мы просшили швоего ошца!» —

---

* Мирославъ — говоришь преданіе — былъ одинъ изъ шѣхъ разумѣйшихъ, испышанныхъ вѣрныхъ мужей, кошорыхъ Владиміръ — употреблялъ въ посольство къ разнымъ Европейскимъ дворамъ, для шочнаго изслѣдованія разныхъ исповѣданій Вѣры. На войнѣ съ Рогвольдомъ, Княземъ Полоцкимъ, Владиміръ едва не лишился жизни, ошь коварной руки измѣнника; но одинъ изъ любимцевъ его, ошразивъ ударъ убійцы, прикрылъ Государя щипомъ и, получилъ за шо самъ шяжкую рану. — Можешь спашься, что эшошь любимецъ былъ Мирославъ; а пошому-шо ж Какмиль назваль его спасителемъ жизни своего ошца!

Примѣт. Дѣдушки.

Какмилъ съ воспоргомъ прижалъ ее къ сердцу и сказалъ: *дѣвица ты будешь моею!*»

«Витязь примирился съ Государемъ, былъ опять при его дворѣ, былъ осыпанъ щедрошами; но ни какъ не соглашался оставаться безоплочно при лицѣ Княжескомъ. Хижина на Мячковскомъ курганѣ для него была всегда милымъ, пріятнымъ жилищемъ и, когда Государь спрансповалъ добереговъ Смородинки, то всегда здѣсь навѣщалъ Мирослава и, пользовался благоразуміемъ его совѣтовъ.»

«Какмилъ и Снѣжана получили вѣнокъ брачный и, были счастливы во всю жизнь. Почтенные спарцы Мирославъ и Любмила, дождались еще внуковъ отъ своихъ внуковъ; ихъ прахъ покоится на курганѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ихъ хижина.»

«Теперь уже нѣтъ тамъ ни дремучихъ лѣсовъ, ни цвѣшущихъ лужаекъ; вездѣ полусогнившіе пни и, полупоблеклые куспарники... тамъ одинъ

только обнаженный, высокій курганъ
напоминаетъ намъ необозримый рядъ
временъ минувшихъ!»

Дѣдушка умолкѣ; но мы еще все его
слушали.

СВАДЕБКИ

И

ПРЕКРАСНАЯ ДОЧКА.

Когда вы поѣдете отъ Гавриловой слободы* къ Суздалью, то въ правой сторонѣ, посреди чистаго поля, впрочемъ довольно на отдаленной отъ васъ возвышенности, увидите три, или четыре дряблыя, полужасохшія и полужеленыя сосны. — Это тѣ самыя сосны, которыя вполнѣ отъ Гаврилова до самой станціи—Суздаля, изъ вашихъ глазъ не исчезаютъ. Но я было позабылъ, что вы и сами бывали въ Суздаль и что однажды, вмѣстѣ съ Пѣвцемъ *Глафиры* и *Калина*** весьма рѣшительно замѣнили, что сосны, о которыхъ у насъ рѣчь, какъ и куда бы вы

* Иначе Посады, во Владимирской губерніи.

** Княземъ *Иваномъ Михайловичемъ Долеорукимъ*, которой весьма нерѣдко проѣзжалъ здѣсь въ свою Шуйскую деревню.

ни поглядѣли, все передъ вами, какъ
листвъ передъ травою.

Коса времени и рука, человѣческая
не коснулись и, не касаются еще до
сихъ сосенъ. . . Мѣсто, гдѣ роснушь
онѣ, называется *Свадебки*; вснарь,
какъ говорятъ, имъ придавали эпи-
пешъ: *крававья*. «Почему жъ крова-
выя?» *спросите вы*. — Потому же,
почему и *Свадебки*. Воптъ, что го-
ворятъ о помъ наши древніе пѣсно-
пѣвцы — сказочники: послушайте:

Нѣкогда здѣсь, по естъ, подлѣ са-
мыхъ эпѣхъ *крававыхъ свадебокъ* —
копорья, впрочемъ, какъ думашь на-
добно, тогда еще не были не только
крававыми; но даже и простыми, обы-
кновенными свадьбами, потому что
тогда не дошло еще до того дѣла —
здѣсь, говорю я, находилось капище, или
храмъ богини, или нимфы *Калисты!*...
«*Калисты!*» вы: смѣлесь и спрашива-
ете. «какъ, и зачѣмъ въ Суздальскую
землю залетѣла Нимфа *Калиста!* Я
до сей поры думала, что *Калиста*
Гречанка, или по крайней мѣрѣ *Рим-*

лянка? Конечно это не много мудрено; но однакожь точно такъ было сударыня! Вблизи *свадебокъ* есть даже и селеніе, которое носишь имя *Калисты**; есть и другое подъ *Москвою*; есть и пренше, во *Владимірской* же губерніи. Я могъ бы — насчитать ихъ до десятика; но возвратимся къ повѣсти. И такъ нѣкогда на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы видше сосны процвѣпало капище *Богини Калисты*. Къ этому капищу, или въ это капище приходили многіе изъ нашихъ *Суздальскихъ* предковъ на поклоненіе и, шолько въ этомъ капищѣ они клялись въ прочности и въ швердости браковъ и, во всѣхъ другихъ обѣпахъ, опносившихся къ семейной жизни. По крайней мѣрѣ такъ говоришь преданіе.

Какой - то *Боляринъ*, или воинъ *Хоз-лу* тогда живаль здѣсь по сосѣдству. Этотъ *Боляринъ* былъ сильный, богатый владѣшель, и вы теперь еще найдете память объ его

* *Калишово. М.*

имени точно так же, какъ и объ Калистѣ, въ одномъ изъ названій окрестныхъ селеній* у этого Хоз-лу была прекрасная дочка: настоящее имя ея преданіе позабыло; да и нѣтъ въ томъ надобности: довольно съ насъ и того, что она была прекрасная дочка. Названіе: прекрасная, не есть ли самое лучшее изъ всѣхъ именъ на свѣтѣ? Позволили ли сказать, что вы это чувствовали и по себѣ? . . . Вотъ, эту-то самую прекрасную дочку, по ея любви и по ея желанію, выдавали въ замужство за красиваго добраго молодца. День свадьбы уже былъ назначенъ; оставалось влюбленнымъ только поклясться передъ Калистою въ ея капищѣ, а потомъ супруги стали бы жить да поживать: пошли бы дѣточки, начали бы подростать, хорошеѣть и, такъ далѣе и далѣе.

Въ самый день свадьбы прекрасной дочки была назначена и еще свадьба, пышная, богатая свадьба спрашнаго,

---

* Урочище Хозлуво преобразованное, послѣдствіемъ, въ село Козлово. М.

усастаго, бришоголоваго Могольца, шолько съ волосянымъ хохломъ на самомъ шемѣ. . . Я позабылъ его имя; но когда доѣдемъ до Суздаля, поспросимъ объ немъ у всегдашней нашей хозяйки, беззубой спарушки: она еще помнишь его. Эпошь Моголецъ не вѣровалъ въ Калиспу, даже смѣлся надъ Ладюю и Перуномъ; но здѣсь укротивъ сердце ошъ злыхъ насмѣшекъ, онъ пожелалъ сохранить нѣкоторыя изъ свадебныхъ обрядовъ шой земли, въ которой оспавался и гдѣ, можешъ бышь, надѣялся съ милою шуземкою основашъ осѣдлость въ своей бродящей жизни.

Свадьба Могольца совершилась прежде свадьбы *прекрасной* дочки, и онъ уже, возвращаясь съ новобрачною и со всѣми обычаями *новобратныхъ*, слѣдовалъ чрезъ шемную зеленую дубраву, по узкой и негладкой дорожкѣ въ сосѣдство Болярина Хо-злу, гдѣ было и его жилище. Въ дубравѣ встрѣшилъ онъ свадебный поѣздъ *прекрасной* дочки! — Чудо!

дорога такъ узка, что не было никакой возможности ни той, ни другой стороной уступить другъ другу хвоста, а между прочимъ какъ той, такъ и другой стороной хотѣлось взять первенство... Пошла перебранка, драка и Моголецъ, раздраженный упорствомъ горделиваго поѣзда Болярскова, первый обнажилъ свой булашъ, и первый поразилъ имъ самаго большого изъ провожаемыхъ прекрасной дочки. Неожиданное убійство завязало преспрашное дѣло между обоими свадебными поѣздами: взвились копыя, засвистали спирылы, заблестали булавы и — едва ли было не меньше того времени, которое употребилъ я на рассказъ этой повѣсти, какъ уже и мужья, и жены, и женихи, и невесты — все содѣлалось добычею смерти: кровавая рѣка потопила шѣла убитыхъ и ни малѣйшаго дыханія жизни здѣсь уже не существовало!

Долго, долго бѣдный Хоз-лу ожидалъ возвращенія своихъ новобрач-

ныхъ. Наступила темная ночь, прошла темная ночь, — и первые лучи солнца, на слѣдующій день, встрѣчены несчастнымъ шарцемъ при пѣлахъ бездыханныхъ! Хрисіанскій пустынникъ объяснилъ ему страшную для него загадку и—Боляринъ, какъ увѣряюшъ дѣды, не пережилъ своего горя.

Вошъ съ котораго времени и, вошъ отъ чего, это страшное мѣсно приняло названіе *кровавыхъ свадебъ*! Сосны уцѣлѣвшія еще отъ большаго, не проходимаго дремучаго лѣса, суть вѣрныя указательницы мѣсна убійныхъ! Сихъ сосенъ неизпробило время: онѣ росшупъ на могилахъ, онѣ закланы росши шупъ вѣчно! Въ позднее время, еще и до сей поры, простодушный крестьянинъ невольно пренецещепъ, приближаясь къ памяникамъ *кровавыхъ свадебъ* и *прекрасной дожки*!

«Конецъ сказкѣ?» спрашиваете вы. — Конецъ, сударыня; но въ Суз-

даль, на квартирѣ я вамъ расскажу
другую; памъ мнѣ поможетъ наша
знакомая бабушка!... Вы засмѣялись
и, я доволенъ: всѣ ужасы кровавыхъ
браковъ вами забыты.

VI.

СПРОТА АЛПСЬЯ.

Внучка Марфы Посад-
ницы

Изъ Новгородскихъ народныхъ преданій.

СИРОТА АНИСЬЯ.

«М. к. въ, ты любишь свое родное,» сказалъ мнѣ пріятель С... въ* и, между прочимъ, вѣрно не одинажды прочелъ историко-романическую повѣсть о Посадицѣ Новогородской, изданную незабвеннымъ Карамзинымъ? — Какое сомнѣніе! — отвѣчалъ я — но эта повѣсть и безъ эпизепа: *Историко-Романическая*, есть испинно образцовая въ своемъ родѣ; написана прекрасно, и — что всего лучше — съ самыми близкими подробностями къ насюящему дѣлу: шупъ всѣ лица въ своихъ костюмахъ и годы повѣствовательной сущности не въ разбродѣ. У Карамзина споль-

---

* Кшо чиналъ *Журналъ Пвшеходцевъ*, шому знакомо имя С... ва (И. В. Смирн.) добраго пріятеля и неразлучнаго моего спущника по Царшву Русскому. М.

тія не прыгаюць, а ідуць всегда по
очереди. —

«А знаешъ ли ты, что мы шеперь
споймъ проливъ того самаго мѣста,
на кошоромъ нѣкогда красовался вы-
сокій перемъ Марфы Посадницы?»
воскликнулъ мой Историкъ. — Мо-
жетъ быть. Но домъ знаменитой
Марфы, по ея смерпи, опустошенъ
на вѣки вѣковъ и славный родъ Бо-
рецкихъ погибъ вмѣстѣ съ ресуб-
ликою Новгородскою. — «Такъ,
такъ, мой другъ! это вѣрность
историческая. Но тогда, какъ Ио-
аннъ обезглавилъ шестерыхъ Посад-
никовъ Новгородскихъ*»; тогда, какъ
Марфа погибала на эшафотѣ: здѣсь,
въ ее домѣ, все предавалось мечу, гра-
бежу, огню. Впрочемъ и, между пруп-
пами, въ эпомъ же домѣ, было еще
живое существо: я говорю о мла-

---

* Такъ говоришь Исторія; а Св. Зосима, (какъ
повѣствуетъ житіе сего Угодника), пригла-
шенный къ шоржешвенному обѣду Посад-
ницы, имѣлъ видѣніе, что они еще и до
казни были обезглавленными. М.

денцѣ Анисѣ Савеловой, сиротѣ безпріютной, шестилѣтней воспитанницѣ дома Борецкихъ. Она — послѣ матери, урожденной Борецкой — оставшись сиротою и лишенная отца, умершаго на торговлѣ въ *Нѣмцахѣ*, была призрѣна только великодушіемъ своей бабушки, Марфы. . .»

Я помню эту нянькину сказку, — возразилъ я — и очень помню, какъ эша дѣвочка Анисья, окровавленная убійцами и пробираясь между ихъ тѣлами встрѣтила также существо живое: какого-то великодушнаго Новгородца Машвѣя Салпыка, Сановника въ службѣ Иоанновой. Салпыкъ взялъ дѣвочку на руки, оградилъ ее крестомъ и — дѣвочка, прижавшись къ сердцу втораго отца, какъ умѣла, поребачески; но рассказала ему все, что было и — даже не позабыла домолвить о спрашномъ видѣніи Св. спарца Зосимы. . . . —

«Точно, точно такъ!» подхватилъ мой пріятель: «и Салпыкъ вскормилъ Анисью для того, чтобы ее полюбилъ

сынъ его, Димитрій, и чѣобы бѣдная сиротинка содѣлавшись невинною жертвой злой любви, была какъ преступница: започена (по опредѣленію: на вѣки) въ одномъ изъ монастырей Рязанскихъ на Окѣ, гдѣ-то въ старой Рязанѣ. Тамъ спрдала Анисья и — жила только моливвою...

«И вдругъ, однажды, какъ говоримъ преданіе, въ темную осеннюю ночь, на огонекъ кельи, приспаетъ къ Рязанскому берегу Новгородецкая лодка. Хозяинъ лодки былъ Димитрій Салпыкъ! Бѣдняжка какъ-то дознался о мѣстѣ започенія своей возлюбленной и презирая всѣ родительскія угрозы, гнѣвъ Княженецкій и даже ужасъ отъ свирѣпствовавшей тогда какой-то заразы, ушелъ въ Москву; а изъ Москвы съ вѣрными Новгородцами — удалцами, бывшими тамъ для торговаго промысла, приплылъ въ Старую Рязань. Онъ соколомъ выскочилъ на круной берегъ, разбилъ и выломалъ окно въ келью, вошелъ въ нее и — вынесъ къ лодкѣ почти бездыханную зашворницу, несчастную дѣвицу.

«Быстро неслась лодка проливъ струй Оки въ обратный нупъ. Удальцы Новгородскіе махали веслами богатырски; разсвѣшъ засталъ Димитрій на Казарскомъ* перевозѣ и — въпожъ былъ вмѣсто Анисьи? — Ташарка *плѣнница-тародѣйка*, содержащаяся Рязанцами за важное преступленіе въ монастырь Спаро-Рязанскомъ**. Она была, какъ я сказала уже, чародѣйка; но была и прекрасна. Димитрій, позабывъ Анисью смѣло явился на глаза своихъ родителей съ супругою — Княжною Ташарскою.

«Но прошлы годы и вдругъ являешся въ Новѣ-городѣ Игуменья, Схимница-Праведная. Она пророчесствуешъ; издѣляешъ, знаетъ разумъ книгъ *небесныхъ*, помогаетъ больной супругѣ Димитрія, открываешъ себя и —

* Ближе къ *Новой Рязани*. Онъ ожидаетъ еще большіой разгадки отъ нашихъ Архіологовъ.

** Во времена Иоанновы, какъ уверяють сказочники, была привезена въ невшты Княсю Рязанскому (?) Ташарка-красавица; но за ругательство надъ Свяшинею зашочена въ монастырь. (?)

Димитрій узнаешъ въ ней Анисью, внуку Марфину.

«Въ пятьдесятъ лѣтъ разлуки, свидѣтельствуютъ Новгородскіе сказочники, Анисья ни мало не измѣнилась: она была все такая же красавица, какъ и на осмнадцатой веснѣ своей. Святая чудесная дѣва! Увидѣвши ее, Димитрій окаменѣлъ и — сей камень долго существовалъ на одномъ распушѣи опъ стороны Рязанской къ Волхову подъ именемъ *Димитріева камня*.

«Что послѣ сдѣлалось съ семействомъ Димитрія — не знаю. Но обращаюсь опять къ его камню. Другое преданіе говоритъ, что сей камень послужилъ надгробіемъ *вѣгной красавицѣ Анисьѣ*. Эта могила вопъ здѣсь,» домолвилъ С. . . въ , указавъ мнѣ на одинъ изъ ближайшихъ церковныхъ погосповъ.» Тѣмъ и кончился родъ Борецкихъ!»

«Вопъ матеріалы для большаго романа; но гдѣ же у насъ тѣ Валперъ-Скошшы, кошорыя могли бы волшеб-

нымъ перомъ описатьъ звѣзду небесную, умную, прекрасную и грамотную внучку Марфину? »

«И этого на первый случай довольно!»—сказалъ я, крѣпко пожавши руку у добраго моего С. . . ва, и — повель его къ себѣ на кварширу.

VII.

ФИЛИППЪ ШЕТИЦЦЪ
И
МАДЕНА ТАРШОВСКАЯ.

(Посвящен. Княгинѣ З. А. Волконской.)

Ф И Л И П П Ъ   Щ Е Т И Н И Н Ъ

И

М А Д Л Е Н А Т А Р Н О В С К А Я . *

Во время младенчества Царя Иоанна Васильевича Грознаго, Король Польскій будучи разбишъ Русскими войсками, поклялся ненавидѣть Царство Московское, всегда гошовое пропивуспашъ ему и побѣдишь его; онъ швер-

---

* Въ старыхъ бумагахъ, доставшихся мнѣ по смерти одного изъ друзей моихъ, С. И. Кр. к. ва, я нашель между прочимъ и сію повѣсть, написанную весьма просто; но обезображенную рукою времени. Названіе ее слѣдующее: „*О томъ, что слутилось и приключилось съ Мадленою (сирѣчь: Маедалиною) дочерью двщицею Ивановою Пана Тарновскаго и о томъ, какъ онъ Панъ Иванъ прощаль ее и какъ Паны Поляки все еще были въ ненависти противу Руси.*“ Такимъ образомъ я переписавъ сію повѣсть, рѣшился нѣсколько исправить ее въ слогъ и напечаташъ къ удовольствію нѣкошорыхъ любительей ошечесшвенныхъ былей. М.

до вознамѣрился опмстити Русскимъ за нанесенное ими поражение Полякамъ и для того, собравъ впорично разсѣянные свои полки, поручилъ ихъ предводительству Гешмана Тарновскаго.*

* „Когда невступно пятаилѣтний младенецъ (Царь Иванъ Васильевичъ Грозный) держалъ въ рукахъ своихъ скипетръ и державу протранна Россіи, тогда, издревле враждующія Польша и Литва надѣялись младенчествомъ сего Государя воспользоваться и оппоргнууть ось Россіи: многія мѣша, копорые давнымъ давно уже находились въ ея владѣніи. Король Польскій, поклявшись мщеніемъ Россіи, въ слѣдующемъ 1555 году накі послалъ на оную войска свои подъ предводительствомъ Литовскаго Гешмана Ивана Тарновскаго, и другихъ начальниковъ; они вошедъ въ Россію, взяли городъ Спардубъ и жшелей его: иныхъ плѣнили, а иныхъ лишили жизни, и не продолжая болѣе своихъ успѣховъ, возвратились въ отечество, гдѣ шакже и Россійскіе войска производили шже, что и Поляки въ Россіи? (Нехатинъ въ Нов. Ядр. Рос. Ист.)

Миръ Поляковъ съ Русскими не могъ бытъ прочнымъ; но однако, всякой разъ, когда заключали его, Рускіе плѣнники неосшавались у Поляковъ, а Поляки у Русскихъ. Въ 1547 году; когда Царь Иванъ Васильевичъ дѣйствительнъ принялъ корону и правленіе Го-

Сей полководецъ, безъ всякаго объявленія войны, ворвался въ Россію и взялъ присягнупомъ Городъ Спардубъ; тамъ произвелъ онъ ужасныя неистовства!

Нещасные жители Спардуба доспались въ жерпву неописанныхъ поруганій: многіе изъ нихъ были пиранди лишены жизни; другіе закованы и опвѣдены въ неволю, словомъ: шупъ произведено было звѣрство необъяснимое. — Но я не смѣю и не могу изображать всего, какъ ругались Спардубцами раздраженные Поляки!

Въ числѣ плѣнныхъ, доспавшихся на часть Тарновскаго, былъ нѣкто Филиппъ Щепининъ, прекрасный юноша, послѣдняя опрасль одной изъ лучшихъ Русскихъ Боярскихъ фамилій. — Филиппъ во время сего жестокаго

сударства, шогда вспуленіе Его на Всеросійскій пресподъ почшено было разными Посольствами; многіе коренные враги Рускіе на сіе время смирились и Грозный былъ признавъ Царемъ и Самодержцемъ. *Кн. Хилковъ, Татищевъ, Кн. Щербатовъ* и другіе.

нападенія лишился двухъ брашневъ; они пали за вѣру и вѣрность на поляхъ чести, и наконецъ самъ Филиппъ, обораняясь, съ большею храбростію, опть многочисленной толпы вооруженныхъ Поляковъ, вынужденъ былъ уступитъ превосходству силъ и опдашься въ плѣнь, единственно для того, чтобъ сохранивъ жизнь, бытъ еще нѣкогда полезнымъ ея опечеству. — Одна юность и красота могли спасти Филиппа опть жестокости непріятелей: онъ былъ представленъ начальнику Польскихъ войскъ, Тарновскому, и также, какъ другіе плѣнники, въ оковахъ посланъ въ Липву.

Пламя войны угасло. Поляки опять уступили храбрости Русскихъ и со стыдомъ опошли къ своимъ границамъ. Плѣнники размѣнены; Филиппъ опсавался въ неволь. Тарновскій ушайлъ его и не хошѣлъ уступитъ ни за какія сокровища; онъ былъ для него наградою за всѣ оказанные имъ на брани подвиги, а также и предметомъ ужаснаго мщенія, какъ мы увидимъ изъ послѣдствій.

Филиппъ до нѣкопорого времени былъ заключенъ въ пемницу, находившуюся въ одномъ изъ помѣстьевъ Тарновскаго, и его неволя была совершенною неволею; испытывая всю шягость жестокаго рабства: голодъ, трудныя работы, онъ спрадалъ какъ злодѣй; и за что?— За то, что отецъ Филипповъ нѣкогда нанесъ глубокую рану чрезмѣрному честолюбію Тарновскаго: былъ его побѣдиделемъ. Оскорбленная гордость Вождя Польскаго давно уже дышала мщеніемъ прошивъ фамиліи Щепининыхъ, поспрамительницы его подвиговъ, его славы—и вопъ случай насыпишь это мщеніе. Тщешно Русскіе Бояре посылали съ требованіями о выдачѣ имъ Филиппа Щепинина; все было безуспѣшно. Иванъ Тарновскій опивчалъ, что онъ у себя его не имѣеть; что, можетъ быть, пребуемый сынъ Боярской погибъ на поляхъ бранныхъ, или, можетъ быть, не сохранивъ швердоси геройской въ своей груди, скрылся, и отъ сшуда не возвращающающа въ опечесиво.

Замокъ, въ которомъ содержался несчастный плѣнникъ, находился на берегу Вислы и былъ окруженъ прекраснымъ романическимъ мѣстоположеніемъ, смотря на которое чрезъ маленькое опверстіе пещицы, Филиппъ утѣшался зрѣлищемъ Природы и въ гимнахъ умолялъ Творца Небеснаго о ниспосланіи себѣ крѣпости и перпѣнія. Иногда окончивъ дневныя работы, несчастливецъ встрѣчалъ пріятныя зори вечернія унылою пѣсню Рускою и голосъ его разливался по лѣсамъ и полямъ; по горамъ и долинамъ. Продолжительно было горестное плѣнничество его и долго спраданія свои ввѣрялъ онъ только — безмолвію; но вдругъ Провидѣніе обращаетъ на него благошворный взоръ и Филиппъ нашелъ Ангела-утѣшителя, Небеснаго посланника, которой въ одно мгновеніе перемѣнилъ унылую жизнь его на жизнь райскую.

Маделена, единственная дочь Ивана Тарновскаго, прекрасная, добрая,

чувствительная, прогуливаясь однажды подлѣ пемницы Филипповой, услышала пѣсню, она унылымъ напѣвомъ коснулась ея сердца. — Медленно прошла Мадлена нѣсколько разъ по одному и тому же мѣсту, невольно останавливалась подъ опверсіемъ, находившимся въ пемницѣ спрадальца, съ удовольствіемъ слушала жалкіе тѣны, изливаемые въ сладостномъ его голосѣ, и не могла понять, не могла постигнуть того волшебнаго дѣйствія, которое онъ вдругъ произвелъ надъ нею.

Поздно уже было, когда она возвратилась въ свою комнату и предалась сладостнымъ меланхолическимъ мыслямъ, слѣдствіемъ кошорыхъ былъ пѣнишельной сонъ, представившій ей разныя очаровательныя мечты; многое, очень многое она видѣла во снѣ; но главную ролю въ немъ занималъ безпреспанно таинственный голосъ. Рано пробудилась Мадлена и шщепно разспрашивала своихъ вѣрныхъ бошна-

ныхъ дѣвушекъ о пѣвцѣ — преступникѣ, заключенномъ въ спращинныхъ спѣнахъ опцовскаго замка. Никто не могъ дать ей рѣшительнаго ошвѣта. Однѣ говорили, что между прочими заключенными содержишся въ крѣпости нѣкопорый извергъ *ужасный*, покушавшійся неоднократно на драгоцѣнную жизнь ея опца. «Душевно желаемъ,» повпоряли другія, «чтобы всѣми любимая нами Пяна не повспрѣчала гдѣ-нибудь сего звѣрскаго вида: это чудовище безобразное, люшная гѣнна!» Третьи еще увѣряли, что те была одна только мечта разгоряченнаго ея воображенія. Но никшо, повпорю я, никшо не могъ ей дать ясной подробности, ибо шайна заключеннаго была извѣсна одному Ивану Тарновскому и нѣкошорымъ изъ самыхъ его ближнихъ. Надобно сказаць, что когда привезли Щепнина въ замокъ, тогда не было еще шамъ владѣльца; къ помужь и заключение происходило во время глубокой полуночи. Слѣдовашельно за-

мѣчательнѣйшія достовѣрности о пѣснѣ, слышанной Мадленою, основывались на мечпѣ, произведенной разгоряченнымъ воображеніемъ: и всѣ согласились съ пѣмъ; только сердце прекрасной дочери Тарновскаго не было довольнымъ. Мадлена, по какому-то неизъяснимому побужденію, старалась опять узнавать о подробностяхъ истинны.

Время было прекрасное и предлагало Мадленѣ каждой день пѣ же пріятныя прогулки, которыми она любила наслаждаться, и которыми обыкновенно проспиралась не далѣе *Таинственной* башни. Любопытство возрастало; сердце требовало объясненій и утѣшало себя не мечтами; но всегда однимъ и пѣмъ же сладкимъ голосомъ, который раздавался въ башнѣ. Неоднократно Мадлена намѣрена была поговорить о любопытной для нея тайнѣ съ опцемъ, рѣшалась спросить его и не спрашивала. Какое-то необыкновенное волненіе духа, какой-то непостижимый шепеть ее удер-

живали. И такимъ образомъ надежда къ открытію тайны совершенно угасла въ душѣ красавицы. Гарновскій былъ вѣчно мраченъ, угрюмъ и апосто еще болѣе обезоруживало не смѣлую предпріимчивость его дочери.

Но вдругъ, однажды, пѣсня раздалась не въ дальнемъ разстояніи отъ Мадлены; она оглянулась и сквозь малое отверстіе въ крѣпостной стѣнѣ легко могла замѣнить молодого, прекраснаго человѣка, покрыпаго рубищемъ и въ оковахъ. Онъ работалъ во внутренности ограды и пѣлъ, Мадлена подошла еще ближе къ отверстию, начала разсматривать его прилѣжно и слезы состраданія покапались изъ черныхъ ея глазъ. Невольникъ, казалось ей, былъ изнуренъ тяжкою грустью, муки его были ужасны; а невинность и добродѣтель блиспали во всѣхъ чертахъ его лица. «Какъ онъ пріятенъ и какъ онъ жалокъ!» говорила Мадлена: «бѣдной ты человѣкъ! Но чѣмъ я помогу тебѣ?» Такъ соболѣзновала, рассуждала и

упѣшала себя любопытная дочь Тарновскаго. Но упѣшеніе въ семь открытіи не могло бытъ для нее продолжительнымъ: молодой человѣкъ поднявъ опшадшій опъ стѣны кирпичъ и вложилъ его въ ошверстіе. Рѣшительная Мадлена выполкнула кирпичъ, посмотрѣла еще въ крѣпость; но уже прекраснаго невольника не было: его оцпшь заключили въ башню. Съ распроганными чувствами, съ мыслями полными образомъ милого сшрадальца, дѣвица возвратилась въ налапы опцовскія; другое уже безпокойство шайлось въ душѣ ея; она узнала плѣнника, но теперь хотѣла знать причину его сшраданій.

Тихими шагами подошла Мадлена къ кабинету ошца, хотѣла ошворить дверь; но не знакомый голосъ оспановилъ ее. «Онъ всшавилъ камень» — шакъ произнесъ кто-то въ кабинетѣ — «но чрезъ нѣсколько минушь камень оцпшь оппаль; часовой, сшоящій на оградѣ, божился, что видѣлъ женщину, которая нѣсколько разъ

подходила къ спенѣ; онъ видѣлъ также, какъ она вытолкнула вшорично приспавленный камень....» А до того времени,—прервалъ Тарновскій—не сморѣла ли эта женщина въ отверстіе и не подавала ли какихъ либо знаковъ колоднику? — «Думаешь надобно,» ошвѣчалъ незнакомецъ. Для чего же часовой не смрѣлялъ по ней? — Вскричалъ съ горячностію Тарновскій. «Часовой оплошалъ, женщина скрылась,» молвилъ неавѣспный.— И ты не наказалъ эшаго негодяя? — спросилъ оцапъ Тарновскій, приходя опъ часу въ большее бѣшенство. «Его рѣшили,» проговорилъ съ равнодушіемъ донощикъ «пуля отправила его въ общій пріютъ; памъ, можетъ бытъ, онъ уже перемѣнилъ свою должность и вмѣсто соглядаташа за колодникомъ надзираетъ уже только за колодой!...» Мадлена запрепетала. «Да... мы погибнимъ; погибнимъ всѣ, — замѣчалъ Тарновскій — если Король узнаетъ, что здѣсь ушаиваюпъ...» Мадлена не могла разслушать, кого

наимяновалъ отецъ ея. «Его Величество — продолжалъ онъ насмѣшливымъ пономъ — Его Польское Величество теперь находится въ добромъ согласіи съ Россійскою Державою и всякая обида, всякое притѣсненіе съ той, или съ другою споронны должны прекращаться не иначе, какъ смертію того, кто нарушитъ спокойствіе взаимно пвердаго союза: мы погибнемъ, если эша проклятая женщина что нибудь разболтаешъ, да и мое мщеніе поперешъ всю силу. Тарновскій Полякъ душею, онъ былъ непобѣдимъ; но Щепинины — пакъ продолжалъ полководецъ — нѣкогда заспавили меня просить у себя пощады: эша ужасная обида не изцѣлимо поразило мое сердце. Съ сего времени жизнь Щепинина навсегда будетъ памяшникомъ униженія славы и заслугъ именишаго рода Тарновскихъ! — Почши правда, «опредѣлилъ незнакомый.» Но, однакожь, намъ не должно терять надежды; я клянусь, что любопытная пварь и еще

не замѣдлитъ поспѣшить отвѣрстія. —
 Вошь тогда по ей пулю въ лобъ: и
 конецъ дѣлу.» — Такъ, мой другъ! —
 пробормоталъ нѣсколько успокоив-
 шись Тарновскій — но никакъ; кромѣ
 меня, не долженъ бышь сего исполни-
 нелемъ, только мнѣ самому должны
 бышь извѣстны всѣ подробности на-
 стоящаго дѣла... — Разговоръ продол-
 жался гораздо пише, Мадлена не могла
 болѣе ничего слышать; съ трепе-
 томъ возвратилась она въ свою ком-
 напу и жестокой обморокъ лишилъ
 ее чувствъ. Скоро все пришло въ
 волненіе; самъ Тарновскій, удивлен-
 ный и огорченный сею неожиданно-
 стію, оставилъ всѣ замыслы и —
 старался только помогать дочери. —
 Слѣдствіемъ ея обморока была го-
 рячка.

Къ причинѣ болѣзни Мадлениной
 относили проспуду; но однакожь, не-
 извѣстно почему, а Иванъ Тарновскій
 внутренно былъ недоволенъ такимъ
 мнѣніемъ, онъ начиналъ подозрѣвать
 дочь свою въ чемъ-то непонятномъ;

казалось, что онъ, время отъ времени, догадывался объ участи принимаемомъ ею въ нѣкоторыхъ изъ его сокровенностей; онъ догадывался, и съ тѣмъ же вмѣстѣ, весьма скоро уничтожалъ всѣ свои подозрѣнія. Мадлена выздоровѣла; но Щепининъ уже давно былъ перемѣщенъ изъ крѣпости въ другое мѣсто; женщина, неизвѣстная Тарновскому и его присавамъ, болѣе не являлась....

И въ самомъ дѣлѣ, Мадлена опасаясь запальчивости отца не прогуливалась болѣе вокругъ ограды, не смѣла, по прежнему, разспрашивать о таинственномъ незнакомцѣ, и, старалась только завабыть милые черты лица его. Но противъ желанія кто забудетъ любимое? онъ съ силою и быстротою молнии поразили ея сердце; онъ оставили въ немъ впечатлѣнія вѣчныя; для ней неизвѣстныя; да, Мадлена не понимала сего и хотѣла приписать ихъ только дѣйствию sospiradательности, думая не о томъ, что эша же sospiradательность могла со

крывать въ себѣ еще и такое чувство, которое могло быть выше всѣхъ чувствъ въ свѣтѣ. . .

Прошло нѣсколько времени и Тарновскій съ друзьями, какъ уже сказано, никакъ не могъ опкрыть неизвестной женщины, причинявшей имъ столько безпокойства, онъ переспалъ о ней мыслишь и почти забылъ ее — если только могутъ позабывать что нибудь подобное, сердца исполненные злости? Прекрасный садъ, всегда привлекашелейный своимъ пріятнымъ разнообразіемъ принадлежалъ къ замку Тарновскихъ; онъ былъ новымъ мѣстомъ прогулокъ Мадлениныхъ. Въ немъ-то, при величественномъ восхожденіи солнца, или при шихомъ его закатѣ, или при блѣдномъ, меланхолическомъ свѣтѣ луны, Мадлена, любила слушать мелодическое пѣніе пшпцъ, гармоническое журчаніе источниковъ, а иногда также любоваться и забавными скачками рыбъ, играющихъ въ зеркальныхъ прудахъ и чистыхъ водопадахъ. Не рѣдко самъ угрюмый и

спрогий отецъ ея любилъ прогули-
ваться вмѣстѣ съ нею и унѣшать ее
разными сельскими играми, нарочно
придуманнми для нея въ саду; но
Мадлена не унѣшалась ими, или по
крайней мѣрѣ по шумное общество,
которое сопровождало ее отца, не
могло бытъ для нея пріятнымъ. Ахъ!
меланхолія любитъ одиночество, лю-
битъ безъ свидѣтелей питать себя
очаровательными мечтами пламеннаго
воображенія, ловитъ ихъ, наслаждашь-
ся, жить ими!

Однажды Тарновскій былъ попре-
бованъ ко Двору; Мадлена должна
была оставаться въ замкѣ. Тарнов-
скій, за скоростію опѣзда, не успѣлъ
исполнить своихъ распоряженій. Мад-
лена дышала свободою; но и эта свобо-
да ограничилась однѣми и тѣми же
прогулками. Тотчасъ, по опаснѣмъ от-
ца, она пошла въ садъ, долго ходила по
его аллеямъ и наконецъ въ одной изъ
бѣсѣдокъ, кинувшись на скамѣйку,
по обыкновенію, предалась всѣмъ ме-
чтаніямъ своего пылкаго воображе-

нiя. Округъ ее все было тихо; но вдрухъ шипива наарушилась нѣмъ же самымъ волшебнымъ голосомъ, копорый за нѣсколькo времени предъ симъ поражалъ Мадлену взблизн ограды. Изумленная такою неожиданностiю, она не могла пронупься съ мѣста, и оспавалась недвижимою.

«Кто онъ таковъ?» думала она: «для чего онъ заключенъ въ крѣпость, и какъ очутился здѣсь? что онъ за человекъ?» Такъ размышляя, съ препешомъ вскочила она съ мѣста. Ей казалось, что голосъ еще не умолкалъ; она влушивалась прилѣжнѣе, внимательнѣе и ничего не слыхала — ничего немогла постигнутъ наконецъ осмапривая каждой уголокъ бѣсѣдки, она вышла изъ нее, оиань вошла и все еще не могла ничего замѣшнть такого, чшобы ей могло послужнть къ удовлетворенiю ея любопытства.

Самая мрачная ночь покрыва уже горизонтъ; часовые вездѣ начали подавать голоса другъ другу. Унылый звонъ опъ нестройнаго било* медлен-

* Желѣзный обручь замѣнявшiй мѣсто колокола.

но опзывался на каждой изъ башень, Мадлена спѣшишь возврашиться; но черная грозная туча понеслась надъ окрестностями замка; раздался громъ; удары его вшорились безпрестанно; яркій блескъ молнии сопровождалъ ихъ; поднялась страшная буря съ ужаснымъ вихремъ и наконецъ дождь хлынулъ рѣкою. Бѣсѣдка находилась въ опдаленіи отъ замка и Мадленѣ не было другаго средства укрыться отъ застигшей ее непогоды, какъ спашься въ той же самой бесѣдкѣ, въ которую зашла она. Темноша отчасу усугублялась а съ нею вмѣстѣ умножался и пренепѣ въ душѣ Мадлены. Она пала на колѣни и съ сокрушеннымъ сердцемъ излила молитвы предъ Всевидящимъ. Наконецъ дождь прошелъ; служители замка съ факелами бросились опыскивать Мадлену по саду; она хотѣла подать голосъ; но едва переступила за порогъ, какъ вдругъ еще грянулъ спрашный ударъ грома и зажегъ ближайшее предъ нею дерево; она упала безъ чувствъ.

Горевшая сосна скоро привлекла къ себѣ всѣхъ садовыхъ спорожей и служителей замка. Тщательнo спарались они упушить огонь, не допускали его распроспраниться и спасали садъ; но вдругъ въ то же время увидѣли безъ чувствъ лежащую Мадлену. «Она убила,» говорили одни: еще жива — утверждали другіе, и такимъ образомъ, по умершвою, внесли ее въ замокъ.

Сіе произшествіе немедленно разнеслось по всему селенію и многіе уже почитали Мадлену умершею. Вѣрные слуги Ивана Тарновскаго по тѣ же часъ съ подробнымъ описаніемъ случившагося послали къ нему нарочнаго. На слѣдующее утро больная пришла въ чувство; лѣкарь ручался за ея жизнь и въ замокъ опять все покойно. Тарновскій не замѣдлилъ возвращеніемъ; но пришедши въ комнату больной дочери, онъ хотѣлъ показаться довольнымъ. Однакожъ не взирая на то, что шушилъ, смѣялся, притворялся разсѣяннымъ, печать злости очень явно напечатала себя во всѣхъ его шушкахъ и

даже въ смѣхѣ; припворная разсѣянность не имѣла удачи: всякой могъ замѣнить, что отецъ былъ чрезвычайно недоволенъ происшествіемъ, случившимся съ его дочерью и — когда онъ оспавилъ Мадлену: по первую его заботою было заключить въ новую неизвѣстность Щепинина. «Моя дочь опять слышала этаго проклятаго пѣвца — шакъ я думаю!...» говорилъ Тарновскій одному изъ вѣрныхъ слугъ своихъ. «Нѣтъ я ручаюсь за то,» оловчалъ сей послѣдній. — «Панна Мадлена потеряла проклятаго пѣвца изъ виду. «Ты ручаешься!» вскричала Тарновскій: «Но ты поручишься ли мнѣ за то, что есть на свѣтѣ швари, копорые могутъ быть любопытнѣе женщинъ; — а моя дочь женщина!» Она женщина! — возразилъ съ важностію слуга. — Но эта женщина воспитана во всей строгости законной: правила вашей дочери самые наилучшія... — «Знаю, я все очень знаю!» прервалъ Тарновскій. «Ты мастерски льстишь моему честолюбію и въ особености

погда, какъ я лично требую отъ себя опчешовъ.» — Вошли другіе слуги и также опасаясь спрогоспи своего власпелина, подтверждали слова, сказанные ихъ поварищемъ; но однакожь, не взирая и на всѣ доказательспва ихъ неусыпности, Тарновскій все бы еще не вѣрилъ имъ; еслибы сама Мадлена не переспала развѣдывать о таинспвѣ, для нея непоспжимомъ. — Чрезъ нѣсколько времени послѣ того она совершенно выздоровѣла и начала опять свои любимыя прогулки.

Наспупила осень; погода перемѣнялась — дожди были несносны; но на шо утро, когда Мадлена пришла въ бѣспдку съ рѣшительнымъ намѣреніемъ опкрыть всѣ ея таинспвенности, шо — утро, говоритъ лѣпописецъ, было прекрасное. Долго всѣ ея спаранія были тщетными. Она неоднократно спучала ногами въ разныхъ мѣстахъ бѣспдки; неоднократно осматривала все шо, что ей казалось нѣсколько подозрительнымъ и наконецъ

коснувшись нечаянно до спѣны, съ лѣвой стороны опѣ входа, ей удалось замѣтить пружину, весьма искусно придерживающую пошатенную дверь; собравши всѣ силы, однимъ ударомъ она опворила ее и увидѣла сходъ въ подземелье; лѣспница ведущая внизъ, шерялась въ долгомъ, узкомъ и темномъ корридорѣ. Твердость была руководительницею Мадлены; сошедши въ корридоръ; но опасаясь подозрѣній, которыя бы легко могли имѣть неприяпныя послѣдствія, она возвратилась, зашворила дверь и оная спустилась въ подземелье — темнота была ужасна. Здѣсь, Мадлена, шла ощупью; но наконецъ, примѣтивъ весьма слабой свѣтъ, воторой, казалось ей, происходилъ изъ боковой пещеры, она оспановилась. Должно было испытать еще нѣсколько неприяпностей: ибо сходъ въ пещеру былъ такъ низокъ и узокъ, что едва можно было пробраться ползкомъ. Лампада споявшая на худомъ деревянномъ столѣ, освѣщала всю сцену,

подлѣ сполы молодой человекъ, образъ самой смерщи, лѣжалъ на гнилой соломѣ — сонъ и слабость его опягошили.

Тихо Мадлена подошла къ незнакомцу, и въ чертахъ лица его легко могла узнать того самого несчастливца, копораго, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, видѣла чрезъ опверстіе ограды; мертвая блѣдность, еще не могла испребитъ въ немъ пріятности и ангельской невинности. Тронушая до глубины сердца и по природному влеченію къ добродѣтели, Мадлена едва только хошѣла, взявъ его руку разбудить и узнать вину спраданій, а ежели возможно, то облегчить ихъ, какъ вдругъ слова, произнесенныя имъ во снѣ ее оспановили. Сначала она не поняла ихъ; но незнакомецъ еще повторилъ одно и по же, и вопъ уже весьма ясно можно было разслухать слѣдущее:

«Другъ невинности, ты спасешъ меня!...» Онъ спасешъ тебя! — вос-

кликнула Мадлена, будучи не въ со-
 спояніи удерживашь спремлений чув-
 стпительнаго сердца. Молодой чело-
 вѣкъ открылъ глаза, приподнялся и
 палъ къ ногамъ своей постыпительни-
 цы. «Кто ты?» спросилъ онъ: не ты
 ли ангель смерти шѣхъ праведныхъ,
 копорые, подъ благословеніемъ руки
 швоей, безъ преша вступаюшь во
 врапа лучшей жизни? Такъ точно,
 ты ангель смерти праведныхъ! Моя
 молитва достигла небесъ незримыхъ,
 и я не прешу уже видѣши тебя
 предъ собою!» — Я Ангель жизни —
 отвѣчала Мадлена. — Я Ангель, ни-
 спосланный съ небесъ для швоего
 спасенія! Отвѣчай мнѣ, кто ты?
 Какое прешупленіе помрачаетъ ве-
 сну швоихъ дней? говори мнѣ, чья
 рука дерзнула тебя наказывашь?... —
 «Я Русской воинъ!» произнесъ со
 вздохомъ юноша: «Князья Щепинины
 были предками моего опца, но мой
 прадѣдъ потерялъ шшло Князей...
 Вѣра въ Бога и вѣрность опчизнѣ —
 вопъ вина моихъ злополучій! Иванъ

Тарновскій — мой мучитель; онъ мстишь мнѣ за моего опца, своего побѣдишеля во время славной битвы Россіянъ съ Липвою; тогда посрамленный Панъ Польскій съ униженіемъ просилъ пощады; тогда злодѣй Тарновскій... — «Несчастный! что ты произнесъ? прервала Мадлена — Иванъ Тарновскій мой опецъ! «Твой опецъ!» сказала съ презрительною улыбкою юноша: «да сохранишь тебя небо имѣнь души и сердце опца твоего! Плачься на опредѣленіе судьбы, назвавшей тебя дочерью ширана! Горе, горе тому, кто имѣетъ опца означеннаго печатью ссыдною!» Остановись несчастный! — прервала еще огорченная Мадлена — тому да будетъ ссыдно, кто дерзаетъ помрачать честь дѣшей безчестіемъ опца ихъ: злодѣяніе одного не есть злодѣяніе общее. Горе и тому, кто такъ безрасудно опредѣляетъ казнь тысячамъ невинныхъ за коварство одного виновнаго! — Молодой человекъ пощупилъ глаза, склонилъ го-

лову и въ замѣшательствѣ не умѣла отвѣчать ни слова. Мадлена замѣшила свою неосторожность и, ваявъ руку плѣнника, тихимъ и утѣшительнымъ голосомъ присовокупила: не порицай отца при глазахъ дочери; не раздирай безжалостнымъ упрекомъ ея бѣднаго сердца! Отецъ опредѣлилъ смерть себѣ, а дочь желаетъ возвратити себѣ жизнь, и счастье. — «А кто возвратитъ мнѣ тѣ слезы, которые омыли жестокость моихъ спраданій? ... Юноша опять думалъ сказать болѣе; но негодованіе и рыданіи; его задушали; Мадлена старалась утѣшать несчастнаго и наконецъ, поселивъ нѣкопоруую надежду въ безопрадномъ его сердцѣ, удалилась изъ темницы, съ обѣщаніемъ продолжая тайнспивенныя посѣщенія.

Съ большою оспорожностію она вышла изъ мрачнаго заключенія и, съ притворнымъ равнодушіемъ, возвратилась къ отцу. Въ ея душѣ обитала горестъ, ея взоры явно показы-

вали соболезнованіе о спраждующей невинности и всѣ негодованіе на жестокость посшупковъ ширана. Тарновской, казалось, не замѣчалъ перемены въ лицѣ дочери; но онъ увеличивадъ свою суровость опчасу болѣе и болѣе: его злоба обнаруживалась при всякомъ движеніи, и—весь замокъ приходилъ опъ того въ препенъ. Между тѣмъ Мадлена сто разъ рѣшалась бытъ ходатайницею за несчастливца, сто разъ предпринимала шайншвенныя свои посѣщенія и, сто разъ оставалась безъ всякаго успѣха подать и малѣйшую помощь любезному ей спрадальцу; все было нищешно: жестокость опца заспавляла предешать добродѣтель дочери. Только шайншвенныя посѣщенія производили въ ней какое то облегчительное впечатленіе. — Щешининъ уже не спрадалъ тогда, когда раздѣлялъ время съ Мадленою; Мадлена уже почитала тѣ минуты погибшими, когда не видалась съ Щешининымъ; ни пошъ, ни другая не понемали ясно,

что было причиною ихъ необыкновенныхъ влеченій ко взаимнымъ свиданіямъ; однакожь, дѣвица умѣла чувствовашь въ сихъ же самыхъ влеченіяхъ новое удовольствіе, какого по неизъяснимою блага. Такимъ образомъ тайна свиданій ихъ продолжалась. Филиппъ не имѣлъ уже нѣхъ недоспашковъ, которые содѣлывали жизнь его ужасною. Мадлена доставляла ему всѣ потребности, и ея соспрандіе, внезапно обратилось въ чувство, выше всѣхъ соспрандіи: въ нѣжную дружбу, а потомъ — въ пламенную любовь; но въ любовь чистую и невиную.

Между тѣмъ одинъ изъ друзей Тарновскаго замѣшилъ необыкновенныя прогулки Мадленины; ея оспорожность не могла ему подать средствъ къ открытію подлинной тайны; но онъ безъ труда узналъ въ Мадленѣ ту самую женщину, которая нѣкогда прогуливалась подлѣ крѣпостной ограды. Эполъ другъ не умѣдлилъ сообщить свои замѣчанія

Тарновскому и, раздраженный отецъ заклилъ себя наказати дерзость незнакомки смертію. Донощикъ не упустилъ, также, съ своей стороны ни малѣйшей подробности: время прихода въ бѣсѣдку было ему извѣстно и, вопль пиранъ рѣшился предпринять ужаснѣйшія злодѣянія. — Наспунилъ вечеръ: Тарновскій, вооружась ножомъ, скрылся вблизи бѣсѣдки, съ неперпѣливымъ ожиданіемъ своей жертвы. — Уже была ночь, темноша увеличивалась; а незнакомка все еще не являлась. Тарновской умирали съ досады и переходилъ изъ одного бѣшенства въ другое; но наконецъ послышался ему тихой шорохъ. Здѣсь убійца съ твердосію поднялъ руку и ожидалъ приближенія незнакомки. Свѣтъ пошасянаго фанаря показалъ человѣческую фигуру; но слабосія ашаго свѣта не допускала въ точности разсмотрѣшь лица. Первой удобной случай былъ проиаведень въ дѣйствіе, и первой подозрительной челоуѣкъ палъ подъ ударами ножа...

И сколь велико было изумленіе Тарновскаго, когда, въ поже самое время, еще другой голосъ требовалъ помощи! Злодѣй хотѣлъ спаспись; но — запнувшись объ убишаго, палъ въ безчувствіи.

Скоро прибѣжали спража и другіе служители замка: свѣтъ многихъ фонарей открылъ всю сцену убійства: Тарновскій плавалъ въ прови своего любимца, не показывая ни малѣшаго признака жизни! — А ктожь требовалъ помощи? . . . Никто не могъ отгадать причины смерпоубійства. Въ замкѣ и въ его окрестностяхъ многое говорили о семъ непоснжимомъ произшествіи, многія составляли свои догадки; но всѣ сіи подозрѣнія — ограничивались совершеннымъ невѣденіемъ. Да и былили возможность узнать что нибудь? Тарновскій полумертвой отнесенъ былъ въ замокъ; любимецъ Тарновскаго убитъ; незнакомецъ требовавшій помощи остался тайною.

Но Мадленъ была извѣстна тайна

спрашнаго вѣчера; въ самое то время, когда произошло смерпоубійство; она возвращалась опъ своего друга, и она была таинственною женщиною и неизвѣстнымъ предмѣпомъ мщенія своего ошца. Ей была назначена, смерть; но вмѣсто того Провидѣніе ее спасло и наказало руку, покусившуюся на жизнь — невинности; оно оспановило спремительный порывъ злобы! — Мадлена была шолько свидѣтелемъ жестокаго смерпоубійства; она требовала помощи; а когда узнала въ смерпоубійцѣ ошца: то скрылась и благословляла руку Провидѣнія, которое спасло даровавшаго ей дни отъ ужаснаго пресупленія, отъ спрашнаго имени дѣпоубійцы!

Тарновскій занемогъ и былъ почти въ непрерывномъ безпамятствѣ; когда же приходилъ въ чувство, тогда, вообразивъ неудачи и чрезъ то поперю наилучшаго изъ друзей онъ проклиналъ и, себя и всю вселенную. Болѣзнь обнаруживала все свирѣйство его нрава—весь замокъ былъ въ пре-

пешъ ; но Мадлена, и во время его неисповствъ, оказывала ему всю почтительность нѣжной дочери, всегда старалась его успокоивать всевозможными ласками непришворной заботливости и, между тѣмъ не забывала и милаго ей плѣнника, жизнь котораго уже спановилась для нея — собственною ея жизнью. Съ самаго этого времени, какъ Тарновскій впалъ въ безуміе, спрадалецъ Щешиницъ не почипалъ себя, спрадальцемъ; онъ не пользовался свободою ; но дружбою (ежели не любовью?) прекраснѣйшаго существа Мадлены! — Чегожъ болѣе! Щасііе нашей жизни зависитъ отъ любви, или дружбы. Можно утвердительно говорить, что человекъ, нашедшій для своего сердца другое сердце — сердце съ тѣми же чувствами, которыми ищется его собственное — нашелъ своего Ангела-хранителя...

Время сказать, что нибудь о Тарновскомъ. Онъ почипалъ Филиппа совершенно погибшимъ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ сей послѣдній былъ не-

ремѣщенъ въ подземелье, мѣсто его заключенія было извѣстно только одному Тарновскому и тому, изъ его любимцевъ, кошорой доспался на жерпву его же адской запальчивости. Впрочемъ, злодѣй никакъ не думалъ, чпобъ неизвѣстная женщина могла что нибудь сдѣлать къ облегченію ненавистнаго ему плѣнника, онъ былъ также увѣренъ и въ томъ, что она послѣ случившагося съ нею приключенія не захочетъ плащить за безразсудную опважность жизнию; что сама пайна ея посѣщеній должна быть, не премѣнно, когда нибудь обнаруженною, и что не усыпность спражи, сохранявшей садъ и замокъ, пресѣкла всѣ средства къ освобожденію Щепинина. Такимъ образомъ съ этой стороны Тарновскій былъ спокоенъ; однакожь и сіе спокойствіе не могло быть продолжительнымъ: онъ выздоровѣлъ — и узналъ, что плѣнникъ его, сверхъ чаянія, нашелся въ хорошемъ состояніи. Эта неожиданность была для него непоспимимою, — она родила

въ немъ тысячу новыхъ мыслей и плановъ, кощорые всѣ должны были исполниться чрезъ нѣсколько времени; но особое Королевское повѣленіе, потребовавши его немедленно ко двору, не допустило дѣлать оплагательствъ: положено было въ наступающій же вечеръ умершвишь Щепинина.

Посмотримъ и здѣсь, допуститъ ли благое Провидѣніе шоржествовать злодѣю; посмотримъ на швердость и неослоясннво невинности, пребывающей подъ взоромъ Бога — Ему одному только возможно наказывать пороки и вознаграждать добродѣтели; Богъ одинъ только знаетъ всѣ тайны душъ человѣческихъ. — Еще съ самаго утра Тарновскій былъ необыкновенно озабочекъ; его глаза показывали ужасное помѣшательство; никакое пришворство не могло скрыть его неудовольствій. На всѣхъ черпахъ его лица мертвая угрюмость наложила свою печать. Во весь день онъ не выходилъ изъ комнаты и занимался никому неизвѣстнымъ

придугошовленіемъ. — «Опять война съ Русскими» — такъ говорили въ Замкѣ — «и Король опять назначаешъ Гепманомъ Ивана Тарновскаго: вошь причина его заботливости! «Король прогнѣвался на Господина нашего» — говорили другіе. — «Онъ обвиненъ; ему нѣтъ средствъ оправдать себя: вошь причина его заботливости!» — Все это вадоръ! «восклицали нѣкоторые:» Тарновскій содержалъ въ замкѣ храбраго полководца Русскаго; но полководецъ скрылся, былъ у Короля и пребывалъ правосудія: вошь причина его заботливости! «Такъ разсуждала молва, и все еще не знала причинъ переменъ въ Тарновскомъ.

Между тѣмъ Мадлена пользуюсь нерѣшимостію и задумчивостію опца, лѣшела на крыльяхъ любви къ своему другу; онъ по обыкновенію принималъ ее, какъ Ангела утѣшителя. Много они говорили о бѣдствіи и щасціи, попеременно постигающихъ родъ человѣческій; Мад-

лена иногда плакала и проклинала эту невозможность, которая препятствовала ей быть спасительницею любимого ею плѣнника — друга; Филиппъ не ропсалъ на жестокость Судьбы и, съ равнодушіемъ утверждалъ, что покровительство Мадлены и, въ самой варварской неволѣ для него дороже самой щасливѣйшей свободы. «И ты такъ думаешь?» спрашивала Мадлена. «Думаю» — отвѣчалъ Филиппъ — «Гдѣ благодѣтельствуетъ рука прекрасной и добродѣтельной дѣвицы, тамъ спрдадецъ не имѣетъ никакихъ правъ почитать себя спрдадцемъ. Когда ты со мною: по могу ли я чувствовать тягость оковъ моихъ? могу ли я теперь жаловаться на жестокость несправосудія, рука Его неопуститъ меча надъ невиннымъ! такъ! я уже щасливъ и потому, что все стремленіе моихъ мыслей и всѣхъ моихъ желаній обращаю только къ одной благопворительницѣ: Мадленѣ! Я живу и чувствую мою жизнь: поль-

ко шобою! «Филиппъ!» сказала съ застѣнчивостію Мадлена. «Ты меня назвала благошворительной: это не я, Филиппъ! мнѣ едва ли можно называть себя и шѣмъ изъ швоихъ поварищей, которой однимъ только душевнымъ учасціемъ дѣлится съ шобою швою скорбь!.. Мои ли слабая услуги почтутся благодаріемъ? Я исполняю долгъ челоуѣка и долгъ Христіанки!» Мадлена! — возразилъ Филиппъ — своею скромностію ты превышаешь всѣ добродѣтели! а цѣна швоей красоты, швоей любезности, выше всѣхъ швоихъ добродѣтелей... — «Я не красавица!» прервала, запинаясь Мадлена; розы показались во всемъ блескѣ на ея щекахъ, глаза измѣняли припворной швердосши ея сердца: милое, неожиданное замѣшательство предшавило въ ней прелѣспяѣйшею изъ женщинъ!... «Я не красавица,» продолжала она «а что касается до мойхъ добродѣтелей, то онѣ шлишкомъ не велики. Ежели ты назы-

ваешь добродѣтелью то, что я стараюсь облегчить твою судьбу; — Скажижъ мнѣ, Филиппъ! Чье сердце не сдѣлало бы того же?... «Я вѣрю! — воскликнулъ Филиппъ, — но ты можешь сдѣлать еще больше! Ахъ! Мадлена, ты имѣешь самое дѣйствительное средство освободить мое сердце отъ мучительной неизвѣстности. . . Мадлена! ты поняла меня? Жизнь и свобода мои зависятъ отъ твоего слова! — Мадлена опустила глаза и старалась, какъ только возможно, скрыть свое новое замѣшательство. «Понимаешь ли ты меня, понимаешь ли?» — Повторилъ еще нѣсколько разъ Филиппъ. — «Нѣтъ я не могу болѣе говорить съ тобою,» сказала, наконецъ, Мадлена я увѣрена, что одна только свобода можетъ доставить тебѣ счастье; но свобода въ моей ли власти? «А твое сердце, а твоя любовь — подхватилъ Филиппъ, бросившись къ ея ногамъ — твоя любовь можетъ преобразить въ рай и эту темницу! Твоя любовь спа-

сепъ меня; любовь пвоя дастъ мнѣ жизнь небесную!... — «Что произнесъ ты?» прервала его Мадлена: «любовь несчастныхъ имѣешь ли хотя одну щасливую мину? Какія слѣдствія можетъ произвести пагубная наша страсть? «Одно щастіе!» — воскликнулъ Филиппъ — «одно щастіе, милая моя Мадлена! Я люблю тебя, любимъ тобою, и кто насъ съ тобою блаженнѣе?» —

Шумъ, послышавшійся на поверхности пемницы, прервалъ ихъ разговоръ. Съ пререпетомъ Мадлена подбѣжала ко входу и узнала голосъ онца, которой съ кѣмъ-то разговаривалъ. «Я очень радъ,» отвѣчалъ ему незнакомецъ, «что васъ нашель здѣсь; въ замкѣ увѣряли, что васъ не было дома; а между тѣмъ какъ я разослалъ васъ искать, мнѣ вздумалось погулять въ прекрасномъ вашемъ саду, и какая же прещасливая встрѣча!... Послушайте меня, Гепманъ! назовише эту бесѣдку — бесѣдкою благополучной встрѣчи!»

Я лучше всѣхъ знаю, какъ называть ее — отвѣчалъ, съ притворною шупливостію, Тарновскій.— Послѣ сего одна шутка слѣдовала за другою и, до тѣхъ поръ, пока хозяинъ, соскучивъ шутками, спросилъ, что было поводомъ къ нечаянному пріѣзду милаго гостя? « Меня прислалъ къ тебѣ Король; говорю за келью: ты очень ему нуженъ, Гетманъ! Русь опять начала какія-то задорныя движенія. Въ Москвѣ явно ругаются надъ каждымъ Полякомъ; Смоленскъ волнуется. Теперь ешь слѣчай наказать гордость Москалей. Крымскія и Казанскія Орды, не престаюють ихъ перевозить, мы будемъ съ Крымцами, а Казанцы всегда готовы за насъ... » « Обсвоячельства ясны! » вымолвилъ, подумавши, Тарновской. « Москаль *на-всегда* не другъ Полякамъ... Но его Величеству извѣстно, что я чуть дышу! » — присовокупилъ съ досадою Полководецъ. — « А въ прочемъ для меня удивительно и — то, продолжалъ онъ же, « для чего

ни кто изъ васъ не хотѣлъ доложить Королю, что война наступательная не принесетъ намъ, въ перешедшемъ положеніи, никакихъ выгодъ! — «Ты большой чудакъ, Тарновской!» крикнулъ, съ громкимъ смѣхомъ, незнакомецъ: «Что шутъ дѣлаешь, когда ужъ самъ Король тебя пребудетъ непремѣнно... согласишься ли ты быть послушнымъ? Явись и — бысть?» — «Доложи Его Величеству, что я долженъ Ему повиноваться — отвѣчалъ Тарновскій, задыхаясь съ досады.» — Но Его Величеству было угодно, чтобы ты ѣхалъ вмѣстѣ со мною? — «Если такъ — съ необыкновеннымъ шумомъ произнесъ Тарновскій. — Я готовъ, готовъ! Мое слово дано; Королевскій Указъ святъ. — И такъ ошецъ Мадленинъ, не успѣвъ сдѣлать ни одного распоряженія въ пользу своихъ преднамѣреній, уѣхалъ. Между тѣмъ Мадлена возвратилась къ Филиппу и уведомила его о семъ неожиданномъ опѣздѣ. Иванъ Тарновскій былъ чрезвычайно распроектъ;

лишившись друга, (кошораго смерти былъ самъ причиною); онъ потерялъ всѣ средства къ достиженію своихъ желаній. Таинственная женщина опять предспала его воображенію и поселяла въ злобной его душѣ одну досаду за другою.

Мадлена оставшись, на свободѣ безъ опца, оставалась полною власпипельницею всего дома; она придумывала уже нѣкоторыя средства къ освобожденію Филиппа; но сіи средства были возможными еще шолько въ одномъ ея воображеніи, въ однѣхъ мечпахъ, льспивыхъ для желаній души; но не рѣдко гибельныхъ для истиннаго спокойствія жизни. Посмотри же, теперь какой оборощъ они получаютъ на самомъ дѣлѣ. Едва Гарновской уѣхалъ, Мадлена явилась въ темницѣ и рассказала Филиппу, со всею подробностію, объ ошѣздѣ опца. Филиппъ, ввѣривъ ей шайну сердца, легко могъ открышь, ей же и, всѣ желанія души: онъ предложилъ Мадленѣ побѣгъ. Долго она колебалась

въ нерѣшимости, предспавляя своему любимцу всю каршину ужасныхъ слѣдствій, могущихъ произойти опъ безразсудныхъ предпріятій; она изобразила все нещастіе, уже постигшее ихъ, и которое готово было еще постигнуть ихъ ужаснѣйшимъ образомъ; но Филиппъ слушавъ все, твердо стоялъ въ предложеніи и, вошь Мадлена поколебалась: она была уже почти согласна и уже рука ея готовилась утвердить взаимность согласія.

«Но куда мы скроемся? какая спрана приметъ изгнанницу?» наконецъ спросила Мадлена; щеки ея пылали; смущеніе напечатлено было въ ея взорахъ, во всѣхъ ея движеніяхъ. «На свяшую Русь» — отвѣчалъ Филиппъ. — «На свяшой Руси ни одинъ злосчастный не умираетъ безъ кровли: на моей родинѣ мы найдемъ для себя надежную пристань: тамъ, Мадлена! ты не будешь изгнанницею: мои сестры будутъ шебъ сестрами, мои друзья будутъ твоими, а мои родители примутъ шебя, какъ

дочь любимую, какъ ангела - спасителя ихъ сына, а наконецъ, они прижмутъ тебя къ своему сердцу, какъ нѣжную подругу щаспливаго Филиппа! — «Вѣрю,» говорила Мадлена, приходя опчасу въ большее смущеніе. «И я должна тебѣ вѣрить; но что тогда будешь съ моимъ отцемъ, когда ты для своего оправданія будешь вынужденъ опкрыть всѣ его вѣроломства, тобой испышанныя?.. Ахъ! что тогда съ нимъ будешь! Твой Царь, по всей правдѣ, осыплетъ упреками моего Короля и — мой виновный отецъ, можешь быть, погибнешь!... Говори, Филиппъ, что тогда скажешь о той дочери, которая одною рукою спасая любимца сердца, другою умертвила отца? — «Мадлена! милая Мадлена! воскликнулъ страдалецъ, и ты думаешь, что я въ состояніи чѣмъ — либо наносить тебѣ огорченіе? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, я не стану доказывать на отца той, которая проявилась новымъ, драгоценнѣйшимъ бытіемъ моей ду-

ши! Я никому не скажу, что твой изрывалъ мнѣ погибель; нѣтъ! я не скажу этого; но я увѣрю моего Монарха, что я доставшись израненый и — полумертвый въ руки вашихъ крестьянъ, при твоей красотѣ и — добродѣтеляхъ — которыми ты возвратила мнѣ жизнь — я, позабылъ и мою родину, и мою обязанность. Да, милая Мадлена, когда и любовь, и благодарность сольются вмѣстѣ *во что-то* одно, тогда я не знаю о чемъ не позабудешь, кромѣ любви. . .

«Благодарность и любовь, любовь и благодарность!» повторила нѣсколько разъ, смущенная Мадлена: «онъ будетъ нераздѣльны; но ежели ты долженъ будешь погибнуть; ежели твой Царь не будетъ тебя щадить, какъ подданнаго, лишь для любви и благодарности забывшаго свой долгъ, свое опечесство; тогда и мой Король потребуетъ твоей казни; онъ испроситъ казнь оболгавшей, приносящему безславіе чести дочери одного изъ первѣйшихъ его Вельможъ!

«Мадлена! — возгласилъ Филиппъ — ты мой Ангель-Спаситель и ты вездѣ и, во всякомъ случаѣ, должна быть мнѣ благодѣтельница? ... — Разговоръ продолжался; но рѣшеніе все еще не ушверждалось: Мадлена колебалась; Филиппъ не могъ ей болѣе противорѣчить. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Тарновской все еще не возвращался. Наконецъ любовь преодолѣла всѣ препятствія: любовники рѣшились бѣжать и въ сопровожденіи вѣрныхъ слугъ, преданныхъ Мадленѣ скрылись изъ замка.

Скоро ихъ побѣгъ сталъ извѣстнымъ и сообщники Тарновскаго спѣшили опыскать Мадлену. Нарочный гонецъ былъ отправленъ къ отцу ея. Между тѣмъ любовники благополучно достигли границъ Россійскихъ и въ первомъ селеніи обязались неразрывными узами, свяшою клятвою предъ Алпаремъ Божіимъ. — Теперь мы оставимъ ихъ въ упоеніи минутами щастія и посмотримъ, что происходило въ замкѣ.

Панъ Тарновской немедленно оспавиль всѣ порученія, данныя ему Королемъ, и возвратился! Всѣ посланные въ погоню за Мадленою также возвратились и, безъ успѣха. — Какой горестный, какой несчастный случай для души, напищенной злобой и мщеніемъ! Тарновской былъ въ самомъ опчаянномъ положеніи: въ бѣшенствѣ, проклиналъ онъ жизнь, порицалъ Короля и даже Бога — «Итакъ плоды моихъ намѣреній »говорилъ раздраженный, мнѣ принесли одно только посрамленіе; мои желанія ошались безъ исполненій; мои обиды безъ отмщеній! . . . Змія, посягавшая на мою жизнь, будешь въ торжествѣ! . . . Моя дочь, моя Мадлена досталась въ жертву обольстителю. . . Вѣрной другъ, другъ невинный предъ мною; такъ счастливо раздѣлившій со мною и сердце и жизнь, теперь палъ опъ ожесточенной моей руки; онъ былъ добычею ослѣпленій. . . Я еще вижу его невинную кровь возлокшавшую подъ ударами ножа!»

Такъ вопилъ Тарновской и, былъ успокоенъ только, казнію нѣкоторыхъ караульныхъ въ замкѣ. Онъ и самъ хошѣлъ предпринять погоню; но не угадывалъ, куда скрылась его дочь и припомъ не имѣлъ свободы въ скороспи, безъ особеннаго Королевскаго приказанія, оставить границы Польскія.

Въ продолженіи сего времени Филиппъ и Мадлена успѣли пріѣхать изъ Москву; тамъ родныя и друзья встрѣтили ихъ съ душевною радостію. Царь Іоаннъ уже принялъ бразды Правленія и Филиппъ былъ представленъ Ему, какъ герой, страдавшій за оплечество, какъ притѣсненный жестокою Польскаго вельможи; и Государь послалъ гонца къ Королю Польскому съ пререваніемъ наказатъ притѣснителя; угнѣтавшаго воина Русскаго.

Съ радостію всѣ ожидали правосудія, опредѣлявшаго наказаніе преступнику; одна Мадлена, какъ нѣжная дочь, оплакивала заблужденія своего отца; онъ былъ долженъ, по

законамъ чести, поперять жизнь, или по крайней мѣрѣ быть изгнанникомъ. Заливаясь горькими слезами, она умоляла супруга защищать преступника. . . Филиппъ соглашался; но всѣ бояре Русскіе, оскорбленные въ лицѣ Филипповомъ, требовали суда и гласъ соспрандія не могъ заглушать голоса правды.

Въ поже время Иванъ Тарновской потерявъ всѣ средсва и надежды къ опмщенію, прибѣгнулъ также къ самому Королю и объявилъ, что Щепининъ перешедши границу Русскую, скрѣивался нѣсколько времени въ окрестностяхъ замка Тарновскихъ и успѣлъ обольстить Мадлену. Эта выдумка произвела свое дѣйствіе надъ честолюбіемъ Короля Польскаго: онъ оскорбился и отправилъ ко Двору Московскому своего гонца съ жалабою на обольстителя: онъ требовалъ немедленной выдачи Мадлены и казни Филипповой. Оба гонцы повспирѣчались, оба рассказали другъ другу о причинахъ своего посольства и оба

дивились странному случаю, конюрой гоповъ былъ въ одно мгновеніе возжечь брань между двумя, едва примирившимися, Державами — Тарновской ие допустилъ посла Русскаго къ Королю и отправилъ его безъ отвѣта; напрошивъ Польскій гонецъ былъ представленъ Россійскому Государю и оппущень съ опроверженіемъ несправедливыхъ доносовъ и требованій со стороны Двора Польскаго. Царь не признавъ Щешинина обольстителемъ насшаяпельно требовалъ удовлетворенія за обиды, нанесенныя его воину; а между тѣмъ возвратился и Русской гонецъ — безъ отвѣта. Приѣздъ гонца вооружилъ весь совѣтъ Московскихъ бояръ прошивъ гордой непреклонности Польской. — Переписка между обоими Государями становилась опчасу дѣяшельнѣе и, Царь и Король требовали мщенія! Но скоро Сигизмондъ* гоповъ былъ согласился и склонилъ Тарновскаго искашь для себя мило-

---

* Владѣвшій тогда Король Польскій. Соч.

сци у Грознаго; на великодушіе, котораго онъ всегда имѣлъ швердую надежду; но злобный Полководецъ Липовскій и здѣсь упорно споялъ въ своемъ намѣреніи: онъ вооружалъ руку Государя и опвергалъ всѣ доброжелательства Польскихъ Папріотовъ, утверждая, что Россія едва окончавшая войну съ Татарами, должна будетъ необходимо воевать съ Гусавомъ Шведскимъ, Государемъ Великимъ въ войнѣ, и въ мирѣ, и что славный союзъ Поляковъ со Шведами можеть вознаградитъ съ избыткомъ потери Сигизмундовы. — Поляки раздѣлились на двѣ парціи: одна защищала спорону Тарновскаго, другая соглашалась съ Папріотами, и послѣдняя побѣдила первую: Вельможа Янъ Тарновской оставался одинъ при своемъ пагубномъ для Королевства мнѣніи. Сигизмундъ готовъ былъ отправить его ко Двору Россійскому — съ повинностію; но онъ скрылся!...

Чтожь тогда происходило съ Филиппомъ и Мадленою? Они въ кругу

любви и дружбы подъ защипною сильнаго Монарха были счастливы! Одинъ только несправедливый гнѣвъ отца разстроивалъ иногда блаженство дочери. Мадлена воспоминала о немъ съ трепетомъ и заливалась слезами; но Филиппъ раздѣлялъ съ нею грусть ея души, утѣшалъ тѣмъ супругу и, грусть взаимная не сколько была чувствительна, сколько бы могла бытъ въ одиночествѣ.

Однажды, когда Филиппъ находился при дворѣ Царскомъ, а Мадлена оставаясь въ своей подгородной деревнѣ Новинахъ*, взгрустнувъ по ро-

---

* Такъ точно объяснялось и въ самомъ подлинникѣ повѣсти. *Новиною, Новинками Новью* и проч., говоритъ Авторъ, Москвитяны называютъ всѣ приселки къ Городу, жалуемые имъ за службу Царями. Жители сихъ приселковъ бывали, большою частію плѣнники, добытые на войнѣ самымъ тѣмъ героемъ, кошорый получалъ ихъ въ жалованье за свою службу подгородную землю. Поселеніи сихъ Иностранцевъ подъ Городами почиталось безопаснымъ — здѣсь они бывали скоро усмирены и проч. — И пакъ Филиппъ Щешининъ не шамъ ли жить гдѣ шеперь наше *Новинское*?

динѣ, долго бродила по берегу протекавшей подъ окнами ихъ перема рѣки Москвы, и потомъ задумавшись сидѣла на дерновой скамейкѣ въ саду, вдругъ необыкновенной шорохъ извлекъ ее изъ задумчивости; Мадлена взглянула — и чтожь? Тарновской споялъ надъ нею и готовъ былъ поразить ее ударомъ кинжала*; но чувства отца еще не угасли въ его душѣ, и онъ трепеталъ отъ мысли пролить кровь дочери — кровь собственную. Съ рыданіемъ Мадлена кинулась къ его ногамъ и требовала наказанъ дочь преступницу. — Нѣтъ! ты не умрешь!» вскричалъ Тарновской; слезы покапались съ его глазъ, кинжалъ выпалъ изъ руки; чувства природы побѣдили бѣшенство чело-

---

* Расказикъ повѣсти увѣряешь, что Поляки, отъ Смоленской спороны, тайно приплыли, по рѣкѣ, къ саду Щешинина и, весь день скрываясь въ чащѣ ельника подъ берегомъ, ожидали случая къ исполненію мщенія. — Здѣсь чтошо явно указываетъ на наше *Новинское*. Рѣка, Смоленская дорога, садъ на рѣкѣ и проч. М.

вѣка и отецъ прижалъ дочь къ своему сердцу.

Кто противъ Бога! кто противъ чувствъ природы!» повторялъ неоднократно изгнанный вельможа Польскій, не выпуская Мадлены изъ объятій. Богъ простишь насъ! — сказалъ человекъ, споявшій позади Тарновскаго — любовь опцовская всегда должна быть наградою любви дѣпской! — Тарновской едва успѣлъ обернуться, чтобъ взглянуть на того кто говорилъ ему, Филиппъ уже держалъ его въ объятіяхъ. «Богъ и отецъ простили меня!» воскликнула Мадлена и довершила группу разительную для сердецъ чувствительныхъ!

Любовь и прощеніе были единственными словами, излѣпавшими изъ устъ отца, дочери, супруга; ласки и нѣжность любви и дружбы оканчивали прогашельную картину. Всѣ вошли въ домъ Филипповъ и щасливое свиданіе ихъ было заключено радостнѣйшимъ праздникомъ.

Молва о прибытіи Тарновскаго съ повинностію къ Царю Русскому и, о прощеніи дочери разгласилась по всей столицѣ. Самъ Іоаннъ прислалъ поздравить ихъ, а друзья и родственники, раздѣляя съ ними благополучіе, навѣщали ихъ безпрестанно. Имена Мадлены, Филиппа и Тарновскаго раздавались въ громкихъ восклицаніяхъ удовольствія: «Богъ утвердилъ согласіе ихъ семѣйства!»

Преданіе увѣряетъ, что бѣлый голубь, державши свѣжій вѣнокъ, долго носился надъ жилищемъ Щепинина, наконецъ онъ уронилъ его на Ключахъ, тамъ гдѣ нынѣ дача Демидова; вѣнокъ не пошунуль и предназначалъ шѣмъ вѣчную радость любящимся. — Мадлена сама достала вѣнокъ изъ ключей и хранила его, какъ сокровище — пророчества на жизнь, безъ перемѣны, счастливаю.

Скоро, послѣ того, Государи при-

мирились*; Тарновской прощень и всё шребованія мщенія были уничтожены съ шой и съ другой спороны. Но на долго ли? — Другія, важнѣйшія причины, указали опяшь двумъ соплеменнымъ народамъ войну — кровопролитнѣйшую; но ни Тарновской, ни Щепининъ уже въ ней не были уча- спниками.

Бесѣдка, подъ копорою содержал- ся плѣнникъ Филиппъ — Я говорю о замкѣ Тарновскаго — была обращена въ храмъ примиреній, а садъ укра- сился памяшникомъ любви и дружбы.

Близъ Кракова, лѣпъ за двадцать предъ симъ, старцы Польскіе указывали еще на богатое жилище слав- наго своего Полководца, и, на од- номъ изъ сполѣшнихъ деревъ, кра- савицы, угадывали, въ слишыхъ и шрудныхъ высѣчкахъ, имена Филиппа и Мадлены.

---

* Здѣсь Ишорикъ ручаешя шолько за долго- временность любви двухъ щасшливыхъ су- пруговъ.

У насъ, подъ Москвою, жившіе до 1812 года спарушки, рассказывали мнѣ о *Ваганьковскомѣ** полѣ, какъ о мѣстѣ игрища на *зеленя святки*** , а между родниками Трехъ-Горными онѣ думали находить ключъ съ прозваніемъ: *Барышнинѣ вѣногикѣ*.

Но спарушекъ, знакомыхъ съ родникомъ *Барышнинѣ вѣногикѣ* уже нѣтъ на свѣтѣ и — я теперь не умѣю указать его любопытнымъ.

---

* Всѣмъ извѣсно, что въ Вологдѣ, между протолоюднами, еще и до сей поры слово это сохранено въ значеніи *игрища*, *Вазанить* значить *играть*.

** Троицынъ деяль.

VIII.

ТВЕРСКОЙ ВРАЖЕКЪ.

(Хроника 1657 года.)

ТВЕРСКОЙ ВРАЖЕКЪ.*

«Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!» сказалъ кузнецъ Федоръ Сивцевъ при первомъ ударѣ соборнаго колокола къ заупренѣ на Великій день Пасхи.

«Хрипось Воскресь! Хрипось Воскресь!» повторялъ онъ безпрестанно, перебираясь въ самую половодъ на лодкѣ отъ Царскихъ кузницъ по Неглинной къ Пепровской Слободѣ. «Въ монастырѣ» продолжалъ Федоръ опслушаю Ушренню; памъ будетъ и Грушинька чулошница: я увижу ее непременно и во чтобы то ни стало, вызовусь ее проводить чрезъ Тверской Вражекъ вплоть до двора, до самой Никитской Слободы; а домой въ кузницу, хопъ и къ самому обѣду поспѣю,

---

* Чшо нывѣ Щаро-Газешный переулочъ.

своимъ отповѣди не дамъ: съ ними хриспосоваться и позднѣй не бѣда! » Какъ сказано, такъ и сдѣлано: Ѳедоръ переплылъ Неглинную, привязалъ свою лодку къ старому вязу въ виду самаго того мѣста, гдѣ шеперь домъ Анненковой; въ лѣвѣ къ болоту у него оставалась часовня Воскресенія Слаущихъ:* шамъ ярко горѣли свѣчи молящихся чудотворной иконѣ Нила Сполобенскаго. Ѳедоръ перекрестился, сдѣлалъ земный поклонъ и побѣжалъ рысью въ гору къ Петровскому монастырю. Здѣсь у Всеночной часпо бывають съ чадами и домочадцами Князь Петръ Ивановичъ Пронскій, да Семень Лукьяновичъ Спрешневъ**. Много на нихъ и серебра, и золота; богатые бояре: распустиють глаза и по неволѣ. Ну, да чшо мыъ до нихъ; они поѣдушъ

* Въ послѣдствіи приходская церковь, уничтоженная послѣ 1812 года. Тамъ находилась чудотворная икона Св. Нила Сполобенскаго.

** Оба были боярами при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ, то есть: 1657 года и въ послѣдующіе
Списокъ боярской съ 1548 по 1707 годъ.

къ Батюшкѣ Царю Алексѣю Михайловичу, а мнѣ что? Я подковаль ихъ лошадокъ, да иду помолишься, да похриспосоваться съ Грушенькой. О Грушинька! Грушинька! «повпорялъ онъ неоднократно: «да я тебя ни на какого боярина не промѣняю!» Упреню уже служили, когда Федоръ вошелъ въ прапезу монастырскую; осмопрѣлъ, помолился; но Грушиньки чулошницы* шамъ не было. Онъ призадумался; опять перекрестился, опять глядѣлъ, поглядывалъ и туда и сюда, а Груши все нѣшъ, какъ нѣшъ. Упрення на опходѣ; громко и шоржешвенно пѣли Христоръ воскресъ! Боярыня, хозяйка Князя Пешра Ивановича Пронскаго, изготовилась хриспосоваться съ Священспвомъ и съ народомъ; къ ней подошла боярыня

---

* Чулошницъ тогда было еще не много и чулки вязывали болѣ шерстяныя и безъ пяшокъ, а пошому чулошное маспершво въ шо время шполько же почишалось, какъ нынѣ маспершво соломенныхъ шляпъ. Въ послѣдствіи чулошницы всѣ собрались жишь на Бушырки.

Спрешнева, Анфиса Ивановна Козмина, прекрасная дочка Спряпчаго съ ключемъ* и другія болрыни, и вопть молодецкое сердце не уперѣло: грѣшникъ Федоръ не домолился, не дослушалъ службы Божіей; выскочилъ изъ церкви и, ну по полугорѣ и по Георгіевскому переулку** улепешивашъ въ Тверскую Слободу, а ее миновашъ не лзя, идучи въ Никипскую. Въ перелѣскѣ на молодца залаяла собака, и высокой мужикъ, безъ шапки, съ густою, всклокоченною бородой, съ киспенемъ на рукѣ, окликнулъ Федора; но Федоръ не спрусилъ и приподнялъ дубину. «Шашунъ, не подходи!» крикнулъ онъ молодежи. Я шебя, Сидорва Конокрадъ***, знаю;

---

* Смощри упомянушый же списокъ. Иванъ Козмичъ Козминъ былъ Спряпчимъ съ ключемъ. Русская пѣсня того времени рассказываетъ о красощѣ его дочери Анфисы. По преданію, всѣ они жили близъ Тверской и Никипской.

** Тамъ, гдѣ нынѣ домъ Спрѣшневыхъ и модный магазинъ Сихлера.

*** Конокрадами назывались шѣ воры, кошорыс,

добрые люди въ Божию церковь, а ны посараямъ. «Сступай, ступай, кузнецъ! покамѣспъ цѣль — опвѣчалъ бородастый мошенникъ, и нырнулъ въ кустарникъ.» Въ этомъ перелескѣ и днемъ нѣтъ добра, «говорилъ самъ себѣ Ѳедоръ,» шопчасъ посадяшъ на вѣковѣшную скамью; ужъ не сдѣлалось ли чего и съ Грушей? и — не ужели дѣвка позабыла и праздникъ Господень, и слово милому другу! Нѣтъ! эшо мой грѣхъ: коваль да снѣшилъ; подѣ праздникъ досадывалъ на боярскихъ конюховъ, съ нечистою душою переплылъ Неглинную!»

Но недоумѣніе рѣшено: въ Тверской слободѣ вспрѣшила Ѳедора Машрена Исаевна, просвирня отъ Успенія, изъ Грушина прихода. «Машрена Исаевна,» говоритъ Ѳедоръ: да что эшо сдѣлалось съ Аграфеной Спенановой? она нынѣ и Бога молитъ за-

---

живучи въ городахъ, или деревняхъ ошкрышо крадывали лошадей, молодецествовали пѣмъ и подкрасивъ краденое, часшо продавали свою добычу помуже самому у кого ее крали.

лѣнилась, не была въ Пепровскомъ монашырѣ; а вѣдь она шуда всегда хаживала. «Ахъ, Оедюца, Оедюша! — отвѣчала просвирня — да вѣдь и я вѣ бѣду попала: сюда переплыла, а домой не вѣспъ какъ и добду! живи здѣсь да и шолько. Посмотришъ-ко, какъ расколыхался нашъ Вражекъ: и кусшы, и огороды по задворкамъ — все пошопилъ! Такой воды и не запомняшъ. Вошъ и я хопъ ночуй на улицѣ! — «Эхъ! эхъ! Исаевна!» гаркнулъ прибодрясь кузнецъ: «да шакія ли рѣки мы переплывали? Вашимъ не лѣзя къ нашимъ, шакъ инъ мы къ вашимъ.» Тупъ они ошпановились на косогорѣ, гдѣ нынѣ Демидовскій домъ, подлѣ Благороднаго Инспишуша, и шопрѣли по наклонности ошкоска горы въ право къ церкви Успенія Богоматери. Народъ шолпился и шамъ и сямъ; по двое и по шрое переплывали къ Успенію съ Никипской шшороны на плешу. «Э! э! постшой-ко — говоришъ Исаевна — я спара, а у меня еще глаза зорки: вѣдь конъ эшо повезли навоз-

врапъ барышню красавицу Козмину; вонъ и Спрешневскіе молодцы ее провожаютъ; знамно въ Пешровскомъ ушренню отпѣли, а бырышня не оспалась разговливаясь у своей мапушки креспной, у Княгини Феклы Мамвѣвны Пронской; ну да на такой Великой день кто безъ своихъ разговѣлся? Барышню ждетъ бапюшка Иванъ Козмичъ. Онъ же хвораепъ; шакъ кто роднаго оспавипъ! А вонъ эшо, смопри пожалуй, вонъ эшо поплыла и Груша съ маперью; а! шакъ она была въ своемъ приходѣ. А вонъ за ними и Сидоръ Карпычъ... — «Конокрадъ!» вскрикнулъ Федоръ;» я его вспрѣшилъ не добромъ. «Не говори эшаго, Федя! — продолжала просвирня — мало ли чѣмъ людей обрекають, а вѣдь онъ съ Царской кухни, и молодчикъ давно увиваепся округъ дѣвки, и кума Агапьевна рада, рада будепъ, коли сбудепся Грушино дѣло! ... — «Какъ эшо?» еще вымолвилъ Федоръ: «Грушу опдають за мужъ, за Конокрада? ...» Здѣсь

онъ мигомъ скапился съ пригорка, и мигомъ кинулся вплавъ за пломомъ. Исаевна ахнула; народъ гурьбою побѣжалъ къ разливу.

Всѣ видѣли, какъ плоть подплывалъ уже къ берегу; но удамый успѣлъ нагнать плывущихъ. «Ахъ! ахъ!» вскрикнула Груша. «Ахъ! — повторилъ какъ бы за нею Федоръ, и пропинулъ руки, чѣмъ подняться на плоть. Но Сидоръ придержавъ Грушу, опшолкнулъ его, и бѣднякъ поперялся. Съ воплемъ за нимъ рванулась и кинулась Груша, и въ одинъ мигъ всѣ, какъ ключъ, ко дну! . . .

Нынѣ и подумать смѣшно, чѣмъ въ Старогазетной улицѣ бывалъ разливъ и понули люди; но при Державѣ блаженной памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, говоряшь хроники, еще свѣжа была могила усопшихъ при болошцѣ, подлѣ подворья Ниловой пустыни—шамъ именно, гдѣ нынѣ домикъ Секретаря Шибоева. Тушь

дѣвушки Тверскія и Никишскія, ходя на ключъ за водою, долго, долго другъ дружкѣ рассказывали: какое бѣдовое дѣло собираются подѣ Великій день на молитву съ мыслию не объ одной только молитвѣ; а сосѣднія барышни: Княжны Пронскія, Спрѣшневы и Козмина, поспавили здѣсь надъ могилою крестъ да часовню, и въ Троицынъ день, (на Зеленя Святки), сюда нашивали березку завивашъ вѣнки, которую пущъ же въ Семикъ и развивали.

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
7	9	ошдавъ	ошдаль
8	20	никогда, ни- когда	никогда
17	24	ушучнилъ	ушучнивъ
—	25	и — ошразиль	ошразивъ
23	26	И	и Сшуденецкая
30	11	Фрарціи	Франціи
43	20	родыне	родные
46	9	Хрисшіанахъ,	Хрисшіанамъ,
72	12	ушѣхъоднѣхъ	однѣхъ ушѣхъ
77	10	моѣ	мой ошець

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Пронскій Росшиславецъ.....	1
Дочь Госшомысла.....	25
Любовь и Законъ.....	31
Снѣжана.....	58
Сведбки и Прекрасная дочка.....	84
Сироша Анисья.....	95
Филиппъ Щешининъ и Мадлена Тарновская.....	105
Тверской Вражекъ.....	165

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C046550780

